

На правах рукописи

Житенев Владислав Сергеевич

**Капова пещера - верхнепалеолитическое пещерное святилище с
настенными изображениями**

Исторические науки:

специальность 07.00.06 – Археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва

2017

Работа выполнена на кафедре археологии Исторического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Леонова Наталия Борисовна

Официальные оппоненты:

Павлов Павел Юрьевич

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук

Сергин Виктор Яковлевич

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела
археологии каменного века Института археологии Российской
академии наук

Щелинский Вячеслав Евгеньевич

доктор исторических наук, заведующий экспериментально-
трассологической лабораторией Института истории материальной
культуры Российской академии наук

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный исторический музей».

Защита состоится “ ____ ” _____ 2017 г. в “ ____ ” ч. на заседании
Диссертационного совета Д.501.001.78 в Московском государственном университете
имени М.В.Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д.27,
корп.4, исторический факультет МГУ, ауд. А 416.

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке МГУ и на
сайте www.hist.msu.ru

Автореферат разослан “ ____ ” _____ 2017 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
доцент

Е.А. Попова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Капова пещера (Шульган-Таш) находится в Бурзянском районе Республики Башкортостан, на правом берегу р. Белая, на территории государственного природного заповедника «Шульган-Таш». Пещера представляет собой многоуровневую карстовую полость.

В 1959 г. А. В. Рюмин выявил в Каповой пещере настенные изображения палеолитического возраста. Первые археологические исследования в 1960-1978 гг. в пещере проводил О. Н. Бадер. В результате работ были обнаружены и расчищены от современных граффити и кальцитовых натечков настенные изображения (фигуры мамонтов, лошадей, носорога, бизона, рыбы, зооантропоморфа и многочисленные геометрические знаки) в залах среднего и верхнего ярусов. В 1982–1991 гг. комплексное изучение Каповой пещеры возглавлял В. Е. Щелинский. С начала 2000-х годов на памятнике в разные годы работали экспедиции под руководством Т. И. Щербаковой и В. Г. Котова. С 2008 г. и по настоящее время исследования проводит Южно-Уральская археологическая экспедиция МГУ.

Время посещения Каповой пещеры в верхнепалеолитический период определяется в интервале некалиброванных дат от 16010 ± 100 (KN-5023) до 13930 ± 300 л.н. (ГИН-4853). Калиброванные результаты радиоуглеродного датирования показывают более древний возраст от 19500 до 16000 л.н.

Известные на сегодняшний день археологические материалы позволяют рассматривать разные сферы деятельности человека в пространстве Каповой пещеры, а также на строго научной основе попытаться соотнести имеющиеся данные с разными формами символических и хозяйственно-бытовых практик. Все исследователи отмечали западноевропейский облик памятника. Однако сравнение с франко-кантабрийскими пещерами с настенными изображениями и аргументированный ответ на вопрос о происхождении практик организации святилища в Каповой пещере, на основе обобщения всех имеющихся на сегодняшний день материалов, отсутствует. Понимание генезиса традиции существования подземных святилищ с настенными изображениями на Южном Урале и их возможной связи с Франко-Кантабрией имеет не только узко-научное

значение, но и важное практическое – и в выборе методик исследований, и, что крайне важно в случае с Каповой пещерой, сохранения всего археологического комплекса памятника.

Среди исследователей пещер с верхнепалеолитическими настенными изображениями уже давно достигнуто взаимное согласие – рассматривать эти памятники как святилища. За редким исключением (Бедельяк, Тито Бустийо, Ла Гарма) остатков долговременных стоянок в пещерах-святилищах не обнаружено. Напротив, во многих подземных полостях с образцами монументального искусства выявлены свидетельства кратковременных, по всей видимости специализированных, посещений. Одним из наиболее важных вопросов при изучении подобных археологических комплексов является разделение следов деятельности человека на ритуальные (в широком смысле – символические) практики и на хозяйственно-бытовые, связанные в ряде случаев с обеспечением ритуальных практик.

Когда говорят о ритуалах, обычно подразумевают регулярность их совершения. К сожалению, в археологической практике довольно редко представляется возможность обоснованно доказать факт систематической повторяемости тех или иных действий в прошлом. Как, впрочем, и обосновать преднамеренность ритуального (символического) акта, достоверно отделяемого от будничного хозяйственно-бытового эпизода (например, освежение факела о стену, случайные капли краски с кисти или емкости и т.п.).

Многие следы деятельности, характерные для франко-кантабрийских памятников с настенными изображениями, выявлены и в южно-уральских пещерах, в которых зафиксированы образцы монументального искусства верхнего палеолита.

Пещеры с настенной живописью во Франко-Кантабрийском центре развития палеолитического искусства представляют собой сезонные места сбора большого коллектива охотников-собирателей (ведущих в другие времена года раздельное существование) для организации совместной повседневной, в т. ч. охотничьей, деятельности, а также для проведения традиционно приуроченных к этому времени комплексов социальных и ритуально-культовых практик. При этом место обитания

такого коллектива – что около пещеры, что в самой пещере – с точки зрения общего набора составляющих коллекций из культурного слоя, практически не отличается от обычного набора материалов рядовой стоянки. За исключением значительного увеличения разнообразия используемого сырья (в т. ч. доставленного из довольно отдалённых мест), а также существенного расширения числа культурных маркеров, например, разных типов орнаментов на предметах, принесённых представителями разных групп собравшегося коллектива.

Долгое время в исследованиях пещер с верхнепалеолитическими настенными изображениями основное внимание было сосредоточено именно на образцах монументального искусства и искусства малых форм, тогда как иные материальные свидетельства пребывания человека в подземных полостях упоминались небрежно и спорадически. Специалисты оценивали значение самих произведений искусства значительно выше, чем объекты и следы повседневной жизни. С развитием теоретической и практической основ археологии как науки ситуация радикально не менялась. По-прежнему дискуссии о причинах появления и развития, о смысле и содержании пещерного искусства строились, за редким исключением, на изобразительной источниковой базе. Привлечение кратких результатов изучения вещественного археологического материала и естественнонаучных данных использовалось, как правило, для рассуждений об особенностях, в т. ч. хронологических, настенных изобразительных комплексов, но не для комплексного конкретно-исторического анализа всей совокупности следов деятельности человека в пространстве этих пещер.

На сегодняшний день благодаря тщательным полевым и лабораторным комплексным исследованиям, а также широким теоретическим разработкам, охватывающим самые разнообразные аспекты палеолитоведения, можно говорить о сложившихся контурах теоретических основ изучения разнообразия форм деятельности человека – хозяйственно-бытовых и символических практик – в пещерах с верхнепалеолитическими изображениями. Базовые принципы, на которых утверждается современное понимание направлений этих практических и теоретических изысканий, предложены и опробованы целой плеядой выдающихся ученых. Основные положения, представленные ниже, разработаны

отечественными и зарубежными авторами. Эти положения апробированы, а также по необходимости дополнены или скорректированы на основе результатов исследований Каповой и Игнатиевской пещер Южно-Уральской археологической экспедицией МГУ под руководством автора.

Каждый верхнепалеолитический пещерный памятник с настенными изображениями представляет собой подземную полость определенной морфологии, в которой в зависимости от конкретных условий сохранились следы деятельности животных и человека. Комплексное изучение всей совокупности взаимосвязей антропогенной деятельности и природного пространства пещер рядом авторов предложено обозначить интегративным структурным анализом. Основной целью формирования такого подхода к исследованиям является насущная необходимость создания набора аналитических инструментов для проведения верифицируемых сравнений памятников, а также отдельных явлений и следов повторяющихся моделей поведения – разнообразных практик, осуществлявшихся внутри пещер.

Значительное число пещер – это подземные системы из залов, коридоров, колодцев, ниш и т. д. Археологические материалы вписаны в природное пространство и неотделимы от него. Использование человеком пещер было подчинено в первую очередь самой морфологией полости. А. Леруа-Гуран в качестве одной из основ анализа настенных изображений предложил следующее деление естественных форм подземных пространств: привходовая зона, переходные участки, центральные и боковые зоны, проходы (галереи), оконечная (тупиковая) зона. Немаловажная роль отводилась и особенностям их морфологии.

Ф. Рузо, развивая тему влияния особенностей и условий пещерного пространства на поведение человека, основной акцент сделал на вопросах освещенности и ориентации в пространстве. В его подходе одним из основных положений является анализ размерности залов, галерей и т. д., их доступность, легкопроходимость и возможность освещения искусственными источниками света. Несмотря на то, что человек в верхнем палеолите проникал в некоторые полости на глубину более километра, настоящие границы возможностей определялись пределами освещенности от стационарных (очаги) или переносных (факела,

лампы) источников. При использовании последних, круг света которых не превышает нескольких метров, перемещения по крупным залам и коридорам осуществлялись, как правило, вблизи от стен. В большинстве случаев для прохода человек использовал наиболее удобные (не заваленные глыбами, например) и безопасные пути, которые и сегодня выглядят именно такими. Наглядными подтверждениями этому на ряде памятников служит выбор стен для нанесения изображений и открытые рядом материальные свидетельства как кратковременных остановок, так и участков относительно непродолжительного пребывания – площадок посещения. Изучение особенностей морфологии отдельных структурных единиц (залов, коридоров...), включая такие показатели, как объем, возможности освещения, физического подхода к настенным рисункам и их обзора, позволяют расширять набор аналитических инструментов для углубленного изучения художественной деятельности палеолитического человека и её взаимосвязи между геоморфологической спецификой полости и разными категориями изображений или их совокупностей.

В 2002 году на семинаре, организованном А. Пасторсом и Г.-К. Венигером и посвященном этой теме, среди участников – представителей различных дисциплин – было достигнуто взаимопонимание в том, что ««пространство, используемое человеком, служит двум основным целям: проходу и остановке. Эта двойственность ... относится также и к пещерам. При анализе пещеры, три различных аспекта имеют особое значение: естественная структура пещеры, способность человеческого глаза реагировать на темноту и искусственный свет, классификация доисторических культурных остатков».

Основные следы человеческой деятельности в пещерах с настенными изображениями можно разделить на несколько крупных категорий (по: Р. Пижо, Ф. Рузо и с дополнениями автора):

- следы передвижения в пещере (отпечатки ступней или ладоней; следы скольжения, повреждения натечных образований...);
- следы остановок (короткие остановки; остановки перед препятствиями; остановки, связанные с проблемами ориентации или освещения; остановки для устранения натечных образований, мешающих проходу...);

- следы объектов и структур (очаги; кострища; следы объектов из недолговечных материалов; каменные вымостки и остатки других искусственных конструкций; модифицированные естественные депрессии пола...; следы антропогенной деятельности (напр., скалывания) на стенах и потолке; намеренно поврежденные натечные образования; следы изъятия пещерной глины; следы повреждений и сортировки естественных скоплений фаунистических остатков; обособленные участки по обработке и изготовлению предметов; кухонные остатки; запасы каменных и костяных изделий; запасы сырья, в т. ч. красочных пигментов; образцы искусства малых форм; настенные изображения; следы художественной деятельности, в т. ч. участки скопления красочного пигмента и угля рядом с настенными изображениями; остатки тушек – скелеты (и их крупные части в анатомической связи) намеренно принесенных и оставленных животных (змей, рыб...); «закладки» – помещенные в трещины стен и между глыб, на скальные выступы стен каменные и костяные предметы, красочные пигменты, а также необработанные объекты – кости и их фрагменты, обломки натечных образований, гальки и т. п.; палеоантропологические материалы).

Каждая из этих категорий, по Р. Пижо, может быть рассмотрена по пяти критериям: распространенные следы (очаги, повреждения натечных образований и др.); уникальные, исключительно редко встречающиеся явления; редкие, но неоднократно зафиксированные явления на памятнике и/или группе памятников (напр., «закладки»); следы стирания или разрушения изображений; «белые иконографические зоны» – разрыв порядка последовательности системы изобразительных блоков (отсутствие изображений там, где они, по нашему сегодняшнему мнению, могли или должны были бы быть), отделяющие топографически, стилистически и содержательно различные участки пещеры.

Представляется необходимым введение инверсного к «белым иконографическим зонам» термина – «красные иконографические зоны». Под этим понятием подразумевается такое явление, как изображения со следами подновления, что может быть как хронокультурным маркером (анalogии известны на памятниках Франции и Испании), так и свидетельством сложных традиций цветовыражения (цветового символизма) и приготовления разных рецептурных

составов красок в рамках символических практик одной культурной общности. В качестве дополнительного варианта последнего можно предположить, что изменение рецептуры отражает некие резкие конкретно-исторические изменения в жизни одной группы людей, но никак не отсутствие необходимых компонентов красочного состава.

Таким образом, «красные иконографические зоны» – это зоны повышенных изобразительных смысловых нагрузок, транслируемых через собственное содержание образа/знака, геоморфологические¹ и композиционно-семантические особенности топографического размещения, а также цвет и/или рецептуру краски.

Наиболее полное представление о многообразии форм хозяйственно-бытовых практик дает исследование площадок посещения – участков распространения разнообразных культурных слоев и горизонтов посещений, сформировавшихся в результате относительно кратковременных специализированных посещений пещер с настенными изображениями. При анализе этих пунктов обитания совершенно естественно использовать подходы, разработанные и применяемые для изучения пещерных стоянок и памятников открытого типа. В основе таких подходов – комплексное изучение количественного и качественного распределения каменного и костяного инвентаря, фаунистических остатков, а также выявление взаимосвязей, в т. ч. между объектами и структурами культурного слоя, выделение различных зон (центральная, периферийная и др.) и хозяйственно-бытовых участков на площади памятника. Для исследований в пещерах с настенными изображениями особенно важными являются вопросы системы накопления культурных остатков – длительных (континуальных) и четко ограниченных по времени (дискретных) способов. Важным критерием для сравнения разных участков распространения культурного слоя представляется композиция состава каменной индустрии (процентное соотношение отходов производства, заготовок, орудий и нуклеусов) и наличие / отсутствие материалов, характеризующих полноту производственной цепочки. Результаты палеобиологических анализов также играют важную роль в

---

¹ Следует отметить общую особенность размещения подновленных изображений в Каповой пещере – в крупных залах, в местах с хорошим обзором и на видном месте. Более того, рядом с переходами в другие залы или отделы залов.

определении как функциональных особенностей площадок обитания и возможной локальной продолжительности посещений, так и в определении их сезонности.

Одним из наиболее дискуссионных понятий остается термин «структура памятника», который также сочетает в себе хронокультурные проблемы взаимосвязи отдельных пунктов распространения культурных остатков и всего археологического ансамбля пространства пещеры с настенными изображениями.

Важнейшую информацию о разнообразии хозяйственно-бытовых практик предоставляют результаты трасологического изучения каменных орудий. На сегодняшний день общепризнанным стал факт проведения значительного числа трудовых операций в пещерах с настенными изображениями.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о фиксации следов разнообразных практик, осуществлявшихся группами людей с определенной регулярностью. Значительную часть свидетельств деятельности человека невозможно четко разделить на хозяйственно-бытовые и символические. Их переплетение и в сознание первобытного человека, и в археологических материалах демонстрирует сложносоставную среду использования пространства пещер с настенными изображениями.

Цели и задачи исследования. Цель диссертационного исследования заключается в том, чтобы на основе комплексного исследования археологического ансамбля Каповой пещеры провести многофакторный анализ близости следов художественных, ритуальных и повседневных практик южно-уральского подземного верхнепалеолитического святилища с подобными франко-кантабрийскими памятниками для выявления степени сходства или различия, а также возможной оценки родства и взаимосвязи.

Для исполнения этой цели были определены следующие исследовательские **задачи:**

- на основе комплексного анализа провести изучение материалов археологического ансамбля Каповой пещеры, выявить и определить основные типы следов деятельности человека верхнепалеолитического времени;
- осуществить на этой базе описание всего массива имеющихся свидетельств разносторонних практик человека верхнего палеолита в Каповой пещере;

- выполнить на основе имеющейся теоретической базы описание ключевых художественных панно Каповой пещеры и выявить сходства или различия, позволяющие дать четкий ответ на вопрос, является ли изобразительный комплекс памятника локальным вариантом франко-кантабрийского пещерного монументального искусства;
- провести многофакторное сравнение следов деятельности человека в Каповой пещере и франко-кантабрийских пещерах с настенными изображениями;
- выявить на основе проведенного анализа базовых характеристик следов деятельности степень близости социально-культурных практик, лежавших в основе формирования пещерных святилищ Франко-Кантабрии и Южного Урала;
- оценить место и роль Каповой пещеры в верхнем палеолите региона.

Методы исследования: классификационный, сравнительно-типологический, иконографический анализ, метод аналогий, многофакторный анализ, системный анализ.

Пространственные границы исследования составила территория Европы от побережья Атлантического океана и Средиземного моря до Уральских гор.

Хронологические рамки – это время развития верхнепалеолитического искусства Европы – от 42-38 тыс. л. н. до 10 тыс. лет до н. э.

Источниковую базу работы составили археологические материалы Каповой пещеры и ряда пещерных и открытых памятников Урала. В работе учтены, классифицированы и описаны результаты работ основных авторов-исследователей Каповой пещеры и некоторых других памятников, в т. ч. на основе изучения музейных коллекций, а также полевых отчетов в научных архивах Института археологии РАН и Института истории материальной культуры РАН. Изучение франко-кантабрийских материалов частично осуществлено при работе с музейными коллекциями и знакомстве с соответствующими пещерными памятниками, но и в значительной части – на основе опубликованных источников.

Личное участие автора в подготовке диссертации. Археологическое изучение Игнatieвской пещеры и памятников Сикияз-Тамакского пещерного комплекса в 1997-1999 гг. происходило при непосредственном участии автора. Начиная с 1999 по 2008 гг. исследования в пещерах долин рек Ай, Сим и Юрюзань, а с 2008 г. и по

настоящее время – в Каповой и Игнatieвской пещерах осуществлялись автором в рамках руководства Южно-Уральской археологической экспедиции МГУ имени М. В. Ломоносова.

Автором была проведена работа в экспозиции и в фондах Музея антропологии МГУ, Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева УНЦ РАН, Октябрьского историко-краеведческого музея имени А. П. Шокурова, Музея человека в Париже (Musée de l'Homme), Национального музея археологии в Сен-Жермене-ан-Лэ (Musée d'Archéologie Nationale), Национального музея доисторической эпохи в Ле-Эзи-де-Таяк-Сирёй (Musée national de Préhistoire), Музея естественной истории Тулузы (Muséum d'Histoire Naturelle de la ville de Toulouse) и др. Автор искренне признателен за любезное содействие в изучении коллекций руководству и сотрудникам всех музеев и институтов.

Научная новизна работы: впервые в ходе комплексного исследования зафиксированы, исследованы и классифицированы многие новые типы следов деятельности человека в Каповой пещере, которые в результате обобщения с материалами предшественников позволили создать целостную картину использования подземной полости в качестве верхнепалеолитического святилища. Выявленные свидетельства деятельности человека позволили обосновать глубокую связь характера деятельности человека в Каповой пещере и памятников с настенными изображениями Франко-Кантабрии. На основе системного подхода обосновано предположение о генезисе разносторонних практик, зафиксированных в Каповой пещере, на базе традиций развития франко-кантабрийских подземных святилищ. Выявлена аналогия ритуализированного поведения – практик разрушения образцов палеолитического искусства – на стоянках поселенческого типа и в пещерных памятниках с настенными изображениями верхнего палеолита. Предложено основанное на материалах, полученных в ходе археологического изучения Каповой пещеры, уточнение возраста возникновения святилища и положения памятника в концепции развития верхнего палеолита Урала.

Научная значимость. Предложенная структура изучения следов деятельности человека в Каповой пещере может быть применена для изучения других

памятников подобного типа – пещерных святилищ и не только верхнепалеолитического времени, но и, что особенно актуально, других эпох. Полученные результаты позволяют расширить и уточнить общие представления об особенностях миграций и специфике передачи культурной информации как в пространстве, так и во времени.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при написании общих работ по археологии Уральского региона и Европы, по культуре и искусству каменного века, а также при разработке музейных экспозиций и музейных экскурсий. Кроме того, полученные результаты могут быть использованы в качестве методических примеров при изучении пещерных памятников и изучении отдельных типов находок на стоянках открытого типа верхнего палеолита.

Одним из направлений использования результатов работы является их практическое применение в сфере сохранения Каповой пещеры и других пещерных святилищ и стоянок как памятников археологии, истории и культуры.

Результаты исследования нашли практическое применение в рамках читаемых автором общих и специальных курсов на историческом факультете МГУ, а также в подготовке и проведении археологических практик студентов; в написанном автором разделе по археологии в двух изданиях путеводителя по Каповой пещере (Червяцова и др., 2013; Chervyatsova et al., 2016), в подготовке коллективной монографии «The Conservation of Subterranean Cultural Heritage» (ed. C. Saiz-Jimenez, CRC Press/Balkema, 2014).

Положения, выносимые на защиту:

1. Утверждение тезиса о связи прямого происхождения изобразительного ансамбля Каповой пещеры с Франко-Кантабрийской областью развития пещерного искусства верхнего палеолита основано на результатах многофакторного анализа стиля, изучения комплекса технических и визуальных изобразительных приемов, топографического размещения отдельных панно и представленности на них ведущих образов и геометрических знаков.

2. Разнообразие следов практик и их археологическое проявление, включая зонирование на основе топографических особенностей подземной полости, в

Каповой пещере соответствует зафиксированным комплексам следов деятельности (и ритуальной, и хозяйственно-бытовой) на франко-кантабрийских памятниках с настенными изображениями.

3. Художественная деятельность в Каповой пещере, как и во франко-кантабрийских памятниках, была гораздо более широким явлением, чем только нанесение изображений на стены. Наличие «красных» и «белых» зон в художественном комплексе; взаимосвязь разных отделов пещеры на основе отдельных схожих по стилю и типу фигур и образов; наличие следов использования краски вдали от панно с рисунками; широкое разнообразие следов манипуляций с красочным пигментом; свидетельства изобразительной деятельности не только на стенах пещер, но и на глыбах и плитках – всё это отчетливо показывает сложную структуру художественной и изобразительной деятельности на памятнике.

4. Разбитые окрашенные плитки и плитки с фрагментами рисунков из Купольного зала, как и камень с фрагментом изображения мамонта из культурного слоя в зале Знаков, представляют собой явления одного порядка – новой формы верхнепалеолитической изобразительной и ритуальной деятельности человека в Каповой пещере, имеющей широкий круг прямых аналогий во франко-кантабрийских пещерах. Важной аналогией здесь выступает и структурно-топографическая особенность месторасположения основных пунктов находок разбитых плиток с изображениями: в относительной близости или на территории площадок посещения и жилых площадок пещерных памятников. Разбитые плитки характерны в т. ч. для пещер, в которых зафиксированы сочетания настенных изображений, искусственных структур из камня и кальцитовых натечков, что характерно и для Каповой пещеры.

5. Практики разрушения предметов искусства, включая образцы искусства малых форм, а также плитки и камни с изображениями из пещер с настенными изображениями, связаны с жилыми пространствами как в пещерных памятниках, так и на стоянках открытого типа. Эти практики символической деятельности на пещерных памятниках по отношению к изображениям на плитках и камнях и на поселенческих памятниках под открытым небом по отношению к произведениям мобильного искусства тождественны (разбивание/нанесение повреждений,

приготовления и использования красочных пигментов (и других материалов и техник – например, керамики, ламп и т. п.)), что может означать куда более глубокую взаимосвязь социально-культурных основ верхнепалеолитических обществ, проживавших в разных ландшафтно-географических областях Европы. И этот факт связан с проблемой поведенческих стереотипов (напр., расположение украшений и предметов хозяйственно-бытового инвентаря около очагов) и необходимости применения как планиграфического анализа, так и других методических наработок к анализу всей совокупности материалов пещерных памятников с настенными изображениями как к единой структуре, сравнимой с поселениями под открытым небом.

6. Капова пещера являлась сезонным местом сбора большого коллектива, состоявшего из отдельных групп охотников-собирателей, для проведения традиционно приуроченных к этому времени комплексов социальных и ритуально-культурных практик. Материалы коллекции из культурных слоев и горизонтов посещения практически не отличаются от обычного набора материалов поселенческих памятников региона. В пользу этого предположения свидетельствует, например, география происхождения сырья ряда категорий сделанных из зауральских материалов предметов, которые соседствуют с украшениями из поволжских раковин, а также нетипичным для региона орнаментом. Отсутствие же достаточного количества остеологических материалов в культурном слое свидетельствует о кратковременности посещения пещеры и лимитации бытовых действий.

7. Появление святилища в Каповой пещере относится ко времени, предшествующему максимуму оледенения, т. е. к тому этапу, когда движение коллективов характеризовалось направлением из Европы в сторону Урала.

8. Практически идентичные практики организации пещерных святилищ с настенными изображениями и разносторонней деятельностью в них были распространены в Европе от Атлантики до Урала. Объяснением глубинного сходства между верхнепалеолитическими пещерными святилищами в Европе и на Южном Урале – и в свете законов развития общества, и с точки зрения имеющих

конкретно-исторических и археологических данных – является миграция населения как носителей традиции.

Апробация результатов. Основные положения и выводы диссертации изложены в 15 статьях, опубликованных в ведущих научных рецензируемых изданиях, 1 коллективной монографии, 2 путеводителях, 33 статьях в российских и зарубежных изданиях, а также в 14 тезисах и заметках.

Результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры археологии исторического факультета МГУ, Отдела палеолита Института археологии РАН, Отдела палеолита ИИМК РАН. Разделы работы многократно докладывались и представлялись на различных российских конференциях, в первую очередь на Всероссийских археологических съездах (Новосибирск, 2006; Суздаль, 2008; Великий Новгород, Старая Русса, 2011; Казань, 2014), Уральских археологических совещаниях (Екатеринбург, 2007; Сыктывкар, 2013), IV Северном археологическом конгрессе (Ханты-Мансийск, 2015), на «Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию открытия А. В. Рюминым палеолитической живописи в пещере Шульган-Таш (Каповой) (Уфа, 2009)», на международных научных конференциях и симпозиумах: «Культурный слой памятников каменного века: определение и подходы к исследованию, генезис, тафономия, информационный потенциал источника» (Москва, 2016), «Древние святилища: археология, ритуал, мифология» (Старосубхангулово, 2015), «Естественно-научные методы в изучении и сохранении памятников Костёнковско-Борщёвского археологического района, Воронеж, Костёнки» (2016), а также на зарубежных международных конференциях: «55 Jahrestagung in Wien von Hugo Obermaier-Gesellschaft für Erforschung des Eiszeitalters und der Steinzeit» (Вена, Австрия, 2013), 41st International Symposium on Archaeometry (ISA2016), (Каламата, Греция, 2016) и др.

Структура работы определяется ее целями и задачами. Диссертация состоит из двух томов. Том 1 включает основной текст, состоящий из Введения, 3 глав, Заключения, списка использованной литературы и архивных источников, списка сокращений. Во Введении обозначена цель и задачи работы. Глава I содержит краткую характеристику морфологии Каповой пещеры, историографическую

справку по истории исследований, описание материальных следов деятельности человека эпохи верхнего палеолита в пещере. В главе II приводится описание основных составляющих изобразительной части археологического ансамбля памятника. Глава III посвящена описанию отдельных франко-кантабрийских пещерных памятников с настенными изображениями. Каждая глава завершается подведением итогов по соответствующим направлениям. В Заключение обобщаются итоги исследования археологического ансамбля Каповой пещеры в контексте изучения верхнепалеолитических святилищ и ритуализированных художественных практик Европы, описывается вероятная модель взаимосвязи памятников этого типа разных регионов. Том 2 содержит приложение: карты и иллюстрации (Приложение 1).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** характеризуются актуальность и научная значимость исследовательской проблемы, формулируются цель, задачи и методы работы, определяется ее хронологические и пространственные границы. Во Введении также определяются практическая значимость и степень апробации полученных результатов, формулируются положения, выносимые на защиту.

Глава I Археологические следы деятельности человека в верхнепалеолитическую эпоху в Каповой пещере

Глава состоит из трех разделов. Первый раздел главы I содержит краткую характеристику морфологии Каповой пещеры и историографическую справку по истории исследований. Пещера представляет собой систему залов, галерей и коридоров, расположенных минимум на трех гипсометрических уровнях, нижний из которых занят рекой Подземный Шульган.

Исследователями второй половины XVIII – первой трети XX вв. (П. И. Рычковым, Ф. Симоном, Г. В. Вахрушевым и др.), посещавшими пещеру, были обнаружены единичные культурные остатки и палеоантропологические материалы.

В 1959 г. А. В. Рюмин выявил в Каповой пещере рисунки палеолитического возраста. Археологические исследования в 1960-1978 гг. в пещере проводил О. Н. Бадер. В результате работ были обнаружены и расчищены от современных граффити и кальцитовых натёков настенные изображения в залах среднего и верхнего ярусов. В шурфах и раскопах зафиксированы единичные свидетельства деятельности человека в эпоху верхнего палеолита.

В работах экспедиции О. Н. Бадера принимал участие А. П. Шокуров. В Октябрьском историко-краеведческом музее имени А. П. Шокурова хранятся некоторые материалы, собранные им в Каповой пещере. Выделяется крупный практически целый конусообразный сталактит со следами обработки (?) и окрашенности. Наиболее хорошо сохранившиеся следы красной краски, идентичной по цвету красно-алому пигменту из культурных слоев и настенных изображений, располагаются в средней и верхней части сталактита. Четкие границы окрашенности и направления остатков линий свидетельствуют о геометрическом характере рисунка. По всей видимости, на сталактит было нанесено изображение. Это единственный на сегодняшний день пример целенаправленной изобразительной деятельности на сталактите, зафиксированный в Каповой пещере. Свидетельства подобной изобразительной деятельности широко известны во франко-кантабрийских пещерах с настенными рисунками.

В 1982–1991 гг. комплексное изучение Каповой пещеры возглавлял В. Е. Щелинский. Одним из важнейших результатов работ экспедиции стало открытие верхнепалеолитического культурного слоя в зале Знаков.

С начала 2000-х годов на памятнике в разные годы работали экспедиции под руководством Т. И. Щербаковой и В. Г. Котова. С 2008 г. и по настоящее время исследования проводит Южно-Уральская археологическая экспедиция МГУ под руководством автора.

Второй раздел главы I посвящен описанию материальных следов деятельности человека эпохи верхнего палеолита в Каповой пещере. Обзор материалов дается по отдельным залам.

Основной массив некалиброванных дат из культурных слоев верхнего яруса (зал Рисунков) и среднего яруса (залы Купольный и Знаков) пещеры, как и первого

уступа Каскадной галереи, располагается в промежутке около 16-14 тыс. л. н. Такой возраст соответствует представлениям об облике каменной индустрии Каповой пещеры. Калиброванные результаты радиоуглеродного датирования показывают более древний возраст датированных культурных слоев и горизонтов посещения от 19500 до 16000 л. н. Результаты радиоуглеродного датирования находятся в соответствии с результатами уран-ториевого датирования. Имеющиеся на сегодняшний день результаты датирования не охватывают материалы из горизонтов посещения финального палеолита и наиболее древних слоев, выявленных в Купольном зале.

Описание следов деятельности человека основано на публикациях и архивных данных археологов – исследователей Каповой пещеры (О. Н. Бадера, В. Е. Щелинского, Т. И. Щербаковой и В. Г. Котова), а также на результатах работ автора. Материал сгруппирован по топографическому принципу – последовательному представлению каждого отдела пещеры.

Ближайший ко входу пункт со следами деятельности человека в верхнепалеолитическую эпоху обнаружен **на первом уступе Каскадной галереи**, который расположен на подходе к колодцу, соединяющему два этажа пещеры. Исследования проводились под руководством В. Г. Котова. В результате работ выявлены несколько горизонтов посещения и весьма представительный верхнепалеолитический материал.

В результате археологических работ **в Купольном зале** выявлено несколько пунктов распространения культурных слоев как голоценового, так и позднеплейстоценового времени. Наиболее показательна неоднократность посещения Каповой пещеры, т. е. многослойность отдельного участка памятника, выявлена в раскопе около Западной ниши Купольного зала. В голоценовой пачке отложений зафиксированы 12 горизонтов посещения человеком постпалеолитического времени. Об относительной кратковременности подавляющего большинства этих посещений говорит незначительная мощность обнаруженных углистых прослоек. Исключение представляет собой культурный слой эпохи позднего бронзового века (межовская культура) с палеоантропологическими

материалами, особенности которого позволяют сделать вывод о выявлении около Западной ниши Купольного зала погребальной площадки.

Одним из важнейших результатов работ стало выявление 9 горизонтов посещения позднеплейстоценового времени на исследуемой площади раскопа №1 около Западной ниши Купольного зала.

Формирование горизонта №1, исходя из стратиграфического положения, возможно отнести к финальному палеолиту – мезолиту². Важно отметить в нем присутствие крупинок охры.

Горизонт №2 представляет собой искусственную каменную вымостку из камней и обломков натечных образований. Среди находок, помимо углей и охры, присутствуют необработанная речная галька и украшение из целой раковины моллюска с пробитым отверстием, аналогичной обнаруженным в культурном слое зала Знаков.

Горизонт №3 насыщен древесными углями и фрагментами костей (иногда – кальцинированных) мелких животных (размерный класс зайца и сурка); крупинками охры; фрагментами расколотых кальцитовых натёков. Обнаружен фрагмент пластинки из зауральской яшмы. Изделия из аналогичного сырья также были обнаружены в зале Знаков.

В горизонте №4 культурные остатки представлены единичными древесными углями, фрагментами кальцитовых натёков, крупинками и одним небольшим скоплением крупинок красной охры. Обнаружены три небольших золистых пятна, рядом с которыми были зафиксированы следы некрупных предметов из органических материалов. Яркой находкой стал обработанный фрагмент кальцитового натёка в виде ребристой пластины с ретушью.

Горизонт №5 характеризуется значительным количеством древесных углей, охры, мелких фрагментов костей и других находок, в т. ч. обработанной гальки, фрагментов сколотых кальцитовых натёков и известняка, связанных с деятельностью человека в верхнепалеолитическую эпоху. Зафиксировано два

---

² В 1896 году экспедицией в составе Д. Соколова, Ф. Симона, И. Заневского в Каповой пещере, кроме черепа человека, были обнаружены и другие разновременные материальные свидетельства посещения подземной полости первобытным человеком, в частности – нуклеус янгельского типа (Матюшин, 1976).

зольных пятна. Обнаружен осколок с ретушью (утилизации?) из зауральской яшмы. Найден обработанный фрагмент сталактита со сбитым (?) кончиком. Общая форма изделия напоминает шило.

Важной находкой при изучении этого горизонта стала фрагментированная раковина моллюска (с частично сохранившимся отверстием), аналогичная обнаруженной во втором горизонте раковине с пробитым отверстием, также использовавшейся в качестве украшения. Кроме того, обнаружена и необработанная раковина того же вида. Аналогичные предметы, как уже подчеркивалось, были обнаружены в культурном слое зала Знаков. Эти находки – серьёзный аргумент в пользу археологической культурной близости основных культурных слоёв и горизонтов посещения зала Знаков и Купольного зала. Яркими находками из этого горизонта стали и два фрагмента костей сурка с орнаментом.

Именно в подошве горизонта №5 появляется новый литологический слой, происходит замещение тёмно-желтого суглинка светло-жёлтым. Важно отметить, что относительно крупные известняковые камни располагались в наклонном и почти вертикальном положении.

В горизонте №6 обнаружены два фрагмента пластинок с ретушью и одна целая пластина с участками ретуши по краям из светло-серого полосчатого кремневого (окремненного сланца?) сырья. Изделия из аналогичной породы камня были обнаружены в зале Знаков.

Важным, хотя и косвенным подтверждением взаимосвязи шестого горизонта площадки посещения у Западной ниши и скопления «раскрашенных» плиток в каменном завале в юго-восточной части Купольного зала может являться каменное сырьё (светло-серый полосчатый кремнь), использовавшееся для изготовления орудий.

Редкой находкой можно считать фрагмент тонкой плитки известняка с короткой, но чёткой линией охры. Особое значение фрагмента плитки с линией охры в аналогии плиток с пола пещеры. Во-первых, эта находка прямо свидетельствует о том, что люди, сформировавшие в результате своей деятельности шестой горизонт посещения, имели отношение к художественной деятельности в пещере. Во-вторых, плитка является ярким косвенным подтверждением

позднеплейстоценового возраста плиток с рисунками, обнаруженными на поверхности Купольного зала и зала Хаоса. По фрагменту кости получена радиоуглеродная дата – 15235 ± 70 л. н.

Горизонт №7 представляет собой углисто-охристый слой со значительным количеством небольших и мелких древесных углей, крупинок охры и других находок, связанных с деятельностью человека. Обнаружено значительное количество речных галек, в т. ч. со следами обработки. Среди фрагментов кальцитовых натёков найдены две части одной большой кальцитовой плитки со следами залощенности в виде четких полос на обеих поверхностях.

Охристо-углистый горизонт №8 значительно отличается от вышележащих по распределению материала. Кроме сколов кальцитовых натёков никаких других предметов не зафиксировано.

Горизонт №9 также представляет собой сгущение культурных остатков, представленных схожими, по сравнению с вышележащими горизонтами посещения, материалами: охрой, древесным углем, кальцинированными и обожженными фрагментами костей мелких животных, фрагментами сколотых кальцитовых натёков. С глубины –117 см и до глубины –155 см не было зафиксировано никаких изменений в характере культурных остатков – ни особых сгущений, ни разреженности.

Таким образом, на площади раскопа около Западной ниши Купольного зала выявлены следы долговременного существования площадок посещения в верхнепалеолитическую эпоху. Преобладание костных остатков (иногда – кальцинированных) мелких животных (зайца и сурка), регулярные находки костей и чешуи рыб, а также особенности малакологической коллекции, по всей видимости, свидетельствует о теплом сезоне посещения и деятельности человека во время формирования всех горизонтов. Судить о функциональных особенностях и разнообразии деятельности будет возможно только после изучения всех выявленных горизонтов посещения на широкой площади.

В шурфе В. Г. Котова, примыкающем к описанной выше площади, было зафиксировано несколько горизонтов, в которых найден похожий археологический материал. Уникальны обломки костяных игл с ушком и украшение из

«просверленного зуба марала». Кроме того, под крупной плитой известняка обнаружена намеренно уложенная нижняя челюсть бизона.

В четырех метрах севернее Западной ниши в Купольном зале на высоте 4 м в щели около остатков изображений была найдена «лампа» из изогнутого скола сталактита, внутренняя поверхность которого закопчена, а на выпуклой стороне сохранились остатки красной охры.

Исследуемая площадь около Западной ниши – это не единственный пункт распространения культурных остатков верхнепалеолитического времени, выявленный в Купольном зале.

На одном из этих пунктов выявлены следы кратковременного посещения – работы палеолитического художника около глыбы известняка, на которой изображён ацефальный рисунок животного. Тогда как на другом участке, изучение которого продолжается, – скопления «раскрашенных» плиток в каменном завале в юго-восточной части Купольного зала – обнаружены свидетельства сложной деятельности человека, связанные с художественными практиками. Непосредственно рядом с глыбой был обнаружен охристо-углистый культурный слой. Пигмент красного (редко – желтого) цвета представлен крупинками, комочками и мазками. Хорошо различима структура комочков охры – затвердевшая масса некогда пластичного пигмента с включением мелких древесных угольков. Предметов каменной или костяной индустрии не найдено. Основная зона концентрации культурных остатков расположена на площади около 50 см². По всей видимости, исследованный участок является отражением кратковременной деятельности палеолитического художника.

«Каменный завал» представляет собой обособленную часть Купольного зала, сформированную большим количеством фрагментов каменных плит, плиток и глыб известняка. У южной стены зала, среди нагромождения камней, найдена небольшая плита с остатками пигмента, спрятанная между глыбами. В непосредственной близости явных настенных изображений нет. Однако в 7 метрах от места её обнаружения, за глыбой с рисунком, в каменном завале зафиксированы плитки, частично покрытые красочным пигментом.

Среди камней и плиток, лежавших на поверхности завала, была выявлена концентрация камней и плиток, окрашенных красной охрой. В положении ряда камней (без следов окрашенности) просматривается намеренность укладывания. В одном случае каменные глыбы образовали относительно изолированную полость, на «дне» которой найден фрагмент крупной плитки с ярко-красным рисунком. Сверху полость была заложена камнями.

Важной находкой стал средних размеров камень, к нижней поверхности которого пристала микропластинка с притупленным краем, изготовленная из породы, похожей на сырье пластин, которые были найдены в 6 горизонте посещения у Западной ниши. Относительно недалеко найдено микроострие с ретушью по краям из такого же сырья.

Под краем очень большой плиты, расположенной наклонно, зафиксированы намеренно подложенные камни со следами окрашенности (рядом найден небольшой кусочек охры). А под ними, между средней величины камней, был уложен фрагмент крупного конусообразного сталактита. Преднамеренность перекрытия сверху камнями и помещения естественной формы под плиту в качестве «закладки» очевидна.

Выявлено совместное залегание охры разных оттенков – и ярко-красного (алого), и вишневого (как розоватых тонов, так и более темных – бордовых).

Весь массив окрашенных плиток и камней можно разделить на три группы. Первая – обломки схожих по естественной морфологии плиток с фрагментами изображений. Вторая – плитки и камни с аморфно окрашенными участками, вероятно, не являвшимися частями рисунков. Третья группа – камни и плитки с незначительными пятнышками охры. Важной составной частью исследования завала стала работа по ремонту окрашенных плиток.

Факты преднамеренного укладывания и сокрытия некоторых плиток, крупного фрагмента сталактита и некоторых костей (?) имеют прямые аналогии и связаны с таким явлением, как «закладки», хорошо известные в пещерах с настенными изображениями Франко-Кантабрии.

В зале Знаков первые археологические исследования на площади двух раскопов были проведены О. Н. Бадером. В глинистых отложениях первого сделаны единичные находки. Во втором прослежены следы двух кострищ.

В 1982–1991 гг. комплексное изучение Каповой пещеры возглавлял В. Е. Щелинский. Одним из важнейших результатов работ стало открытие в зале Знаков рядом с настенными рисунками палеолитического культурного слоя. По древесному углю из культурного слоя были получены даты от 13930 ± 300 л. н. до 16010 ± 100 . В культурном слое на площади 68 м^2 обнаружены очаги и золистые пятна, каменные орудия и микродебитаж, единичные костяные орудия, глиняная жировая лампа, украшения из бивня, раковин моллюсков и камня, значительное количество охры, древесный тлен и уголь, остеологические материалы. Чрезвычайно значимой находкой в культурном слое стала небольшая глыба известняка, на которой представлен фрагмент изображения мамонта.

Основной культурный слой представляет собой палимпсест нескольких эпизодов посещения. Подтверждением тезиса о том, что исследованные культурные остатки в зале Знаков являются следами относительно непродолжительных посещений, говорят и особенности кострищ.

Преобладание костных остатков, в т. ч. обожженных, зайца и сурка, а также особенности малакологической коллекции, с большой долей вероятности свидетельствует о теплом сезоне посещения и деятельности человека.

Культурные остатки, в т. ч. дерево, бивень, украшения, крупные куски охры и т. п. тяготеют к очагам. Этот факт важен с точки зрения сравнения поведения людей на площадках посещения подземного святилища и на открытых стоянках – поселенческих памятниках. Поведенческие стереотипы и выделение специализированных функциональных хозяйственно-бытовых и неутилитарных зон на верхнепалеолитических стоянках находит полные аналогии в зонировании пещерных святилищ и связанных с ними практиках – как хозяйственно-организационных, так и ритуальных.

Одним из важнейших результатов выявления характера деятельности человека на площадке посещения в зале Знаков стал результат трасологического анализа каменных изделий, функциональное использование которых было довольно

разнообразно, что подтверждает тезис о широком спектре хозяйственно-бытовых практик в пещере. Аналогичные результаты трасологического изучения орудий из франко-кантабрийских пещер с настенными изображениями полностью согласуются с этим тезисом.

Оценивая комплекс каменного инвентаря, В. Е. Щелинский предлагает определение индустрии как имеющей европейский позднеграветтийский облик, но окончательного вывода не делает из-за плохой изученности региона.

Следует обратить внимание на наблюдение В. Е. Щелинского об особой концентрации красочного пигмента в непосредственной близости от настенных изображений. Подобные свидетельства художественной деятельности зафиксированы в разных пунктах распространения культурных остатков в непосредственной ассоциации с рисунками. Этот факт не только подтверждает прямую связь деятельности человека на площадке посещения и настенных изображений в зале Знаков, но и свидетельствует, возможно, о неоднократности художественной деятельности, т. к. рядом с единичными изображениями подобных следов обычно не наблюдается.

Необходимо отметить и тот факт, что в культурном слое зала Знаков встречены пигменты двух цветов – и красного, и фиолетового. Подтверждение одновременности их использования верхнепалеолитическими художниками является важным обстоятельством в анализе ансамбля Каповой пещеры.

Таким образом, в зале Знаков вскрыта площадка посещения, использовавшаяся периодически группами верхнепалеолитического населения, заходившими в Капову пещеру на относительно непродолжительный срок для осуществления разнообразных, в т. ч. и хозяйственно-бытовых практик.

В зале Хаоса обнаружено несколько пунктов распространения верхнепалеолитических культурных остатков. Большая часть из них связана с настенными изображениями. Фрагмент лоцилообразного орудия был обнаружен в скоплении единичных костных остатков крупного животного (практически на современном уровне пола зала) рядом с композицией «Лошади и Знаки». Использование отдельных костей и частей туши крупного и среднего класса животных вне площадок посещения может свидетельствовать об использовании в

организации «закладок» намеренно принесенных частей туш животных/костей или о дифференциации пищевого поведения, т. е. регламентации использования пищи при проведении тех или иных действий в разных отделах пещеры.

В зале Хаоса зафиксировано несколько «закладок» из крупных костей животных. Показателен пример «структурой с закладками». В небольшом пространстве между глыбами находится в вертикальном положении фрагмент кости (изделие?), частично затекший кальцитом, а также намеренно поставленные камни и обломок окрашенного кальцитового образования.

В результате работ Южно-Уральской экспедиции МГУ в зале Хаоса было зафиксировано большое количество камней, плит и плиток со следами краски, часть которых представляет собой подобие «закладок», а часть напоминают разбитые плитки из каменного завала в Купольном зале. Важно подчеркнуть, что плитки не имеют следов откалывания/скалывания со стены.

В процессе работ особое внимание было сосредоточено на остатках красочного пигмента красного цвета на крупных глыбах известняка.

В зале Хаоса зафиксировано несколько типов локализованных скоплений красочной массы и/или пигментов, которые можно дифференцировать по контексту расположения и взаимосвязи с основными элементами археологического ансамбля, а также по количеству пигмента. Подобные «кладки» известны и в ряде пещерных памятников с настенными изображениями Франко-Кантабрийской зоны развития палеолитического искусства. В одном из скоплений найдена подвеска из гальки.

Среди глыб и трещин в и около наклонной Щели зала Хаоса, по сообщению В. Г. Котова, найдены разнообразные верхнепалеолитические предметы, включая игловидный двухпазовый наконечник из кости, орнаментированный косым крестиком. Представленные В. Г. Котовым данные об условиях размещения и состава вещевого комплекса очевидно являются основанием для выделения в Щели участка концентрации «закладок» – около крупного панно со специфическим набором изображений.

В зале **Рисунков** О. Н. Бадером под Восточным панно был выявлен горизонт посещения, связанный с художественной деятельностью. Обращает на себя

внимание характер относительно немногочисленных культурных остатков, представляющих типичный набор следов изобразительной деятельности около панно с настенными изображениями.

Охранные работы под руководством Т. И. Щербаковой проводились в связи с выявленными нарушениями отложений на месте раскопа О. Н. Бадера. На непотревоженных участках культурного слоя было обнаружено незначительное количество охры, угольки, мелкие фаунистические остатки, гальки и др. По древесному углю получена дата $15\ 100 \pm 1\ 300$ л. н..

На одном из камней рядом со стеной, на которой располагается Восточное панно, был обнаружен камень со следами красного пигмента на поверхности, а рядом выявлен охристо-угольный культурный слой. Среди находок следует отметить фрагмент трубочки кальцитового натека с искусственно пробитой верхней частью. Аналогии подобным предметам и местам их изготовления известны во Франко-Кантабрии. Обнаружены и два фрагмента серпентинитовой галечки, что подтверждает взаимосвязь между посещением и использованием двух этажей Каповой пещеры.

В раскопе О.Н. Бадера около Западного панно зала Рисунков были обнаружены культурные остатки, типичные для участков со следами изобразительной деятельности под панно с рисунками. В результате охранных работ Т. И. Щербаковой на непотревоженном участке в слое с древесными угольками и крупинками желтого пигмента найдена локтевая кость медведя. Аналогии оставления костей животных, в том числе медведя, в контексте культурных остатков, связанных с художественной деятельностью человека, известны во франко-кантабрийских пещерах с настенными изображениями.

Под Аркой зала Рисунков исследован единственный известный изолированный охристый культовый (ритуальный?) объект. Рядом с ним зафиксированы многочисленные капли и пятнышки красной краски.

Отсутствие следов ярко выраженных очагов в зале Рисунков, аналогичных обнаруженных в зале Знаков среднего этажа, может быть связано не только с особенностями ритуальной регламентации, но и со спелеоклиматическими особенностями пещеры, о чем сообщает Ф. Симон (1897 г.), что, в свою очередь,

дает возможность обсуждать понимание и учет естественных факторов в зонировании деятельности палеолитического человека (в т. ч. возможной этапности посещения этажей) в Каповой пещере.

На основе результатов многолетних исследований культурных остатков Каповой пещеры можно следующим образом описать способ организации (порядок) деятельности человека в пещере:

- сбор и первичная подготовка основной части сырья для краски вне пещеры;
- зона разнообразной активной деятельности на площадках посещения в залах Купольный и Знаков, включающей нанесение изображений на камни/плитки и их разрушение;
- зоны кратковременного посещения, не связанные непосредственно с процессом подготовки и нанесением изображений на стены: например, на одном из участков Ступенчатой галереи;
- технические участки подготовки рисования со следами самого процесса нанесения изображений: например, участок культурного слоя у глыбы с ацефальным рисунком в Купольном зале, у Восточного панно зала Рисунков;
- участки со следами процесса нанесения изображений: например, остатки капель на стенах и скоплений пигмента на камнях под рисунками, например, под изображением рыбы в Треугольном тупике зала Хаоса;
- участки около изображений (представляющие собой отдельные горизонты) демонстрирующие неоднократность посещения пунктов с настенными рисунками и свидетельства периодического подновления этих рисунков: например, в Западной нише Купольного зала, у Восточного панно зала Рисунков;
- организация «закладок» из фрагментов крупных костей животных, кальцитовых натеков и др.

По всей видимости, основным местом дислокации на среднем этаже были залы Купольный и Знаков, откуда палеолитические художники направлялись в другие залы для создания настенных изображений. Зоны технической художественной подготовки, нанесения, а иногда и подновления рисунков обнаружены около ряда изображений всех залов. По причине гораздо большей труднодоступности и удаленности от залов Купольный и Знаков, зона технической художественной

подготовки и нанесения рисунков в зале Хаоса существенно отличается (прежде всего за счет значительно большей структурной автономности) от подобных мест в других залах.

Использование серпентинитового сырья для изготовления украшений и зауральской яшмы для производства орудий ясно указывает одно из направлений передвижений верхнепалеолитических коллективов Южного Урала между Каповой пещерой и районами выходов экзотического сырья (Кракинским аллохтонным комплексом Зилаирского синклинория и Магнитогорским синклинорием), т. е. на расстояние от 70 до 150 км. Подтверждением другого направления связей людей, использовавших Капову пещеру, являются украшения из ископаемых раковин, происходящих из отложений на берегах р. Волги и Каспийского моря.

Результаты изучения специализированных площадок кратковременного обитания в Купольном зале и зале Знаков демонстрируют различные аспекты хозяйственно-бытовой и символической деятельности человека в пещере. Так, например, следы использования на каменных орудиях, выявленные В. Е. Щелинским, свидетельствуют о достаточно широком спектре проводимых трудовых операциях. Наличие сломанных игл в Купольном зале, украшений, в т. ч. из раковин, а также присутствие аналогичных необработанных раковин, может быть признаком изготовления (починки и т. д.) каких-либо элементов костюма.

О кратковременности посещения пещеры говорит и практически полное отсутствие костей крупных животных. Обнаруженные костные остатки зайцев и сурков, свидетельствуют, скорее, о непродолжительных перекусах, чем о плотных приемах пищи. Таким образом, материальные остатки деятельности человека на площадках посещений в Каповой пещере демонстрируют признаки разнообразных занятий, связанных как с хозяйственно-бытовыми, так и с символическими практиками.

Ключевой особенностью отличия типологического набора предметов костяной и каменной индустрии пещерных памятников с настенными изображениями от коллекций памятников поселенческого типа является, как правило, редуцированный набор изделий, небольшое количество заготовок и отходов

производства. С другой стороны, категории орудий, связанные с «домашним производством» (лощила, иглы, шилья, скребки и пр.) позволяют предполагать значительно более широкий диапазон деятельности человека, чем это представляется обычно для святилищ с настенными изображениями.

Археологическое изучение разных пунктов распространения культурных слоев в пещерах, как и находки на поверхности пола залов и заложенных между камней предметов, фрагментов разбитых плит с рисунками, не позволяют ответить на вопрос о синхронности накопления материала. Разные типы орудий, обнаруживаемые в разных отделах одной пещеры, дают основания говорить о неодинаковой специфической конкретной деятельности и проводимых мероприятиях в отдельных пунктах подземных полостей.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о фиксации следов разнообразных практик, осуществлявшихся группами людей с определенной регулярностью. Значительную часть свидетельств деятельности человека невозможно четко разделить на хозяйственно-бытовые и символические (ритуализированные) практики. Их переплетение и в сознание первобытного человека, и в археологических материалах демонстрирует сложносоставную среду использования пространства Каповой пещеры.

Третий раздел I главы посвящен обсуждению проблемы возможной взаимосвязи образов животных и верхнепалеолитических охотничьих практик на Южном Урале. Изображённые на стенах Каповой (и Игнatieвской) пещеры крупные млекопитающие были хорошо известны человеку в регионе и составляли основную часть его добычи на протяжении всего верхнего палеолита. По всей видимости, охотничий промысел в это время был ориентирован в основном на добывание лошадей, оленей и бизонов, а также и на хищных, особенно – пушных, животных. Практиковалась эпизодическая охота на носорога и мамонта. Однако при этом изображались далеко не все животные, обитавшие на Урале.

Глава II. Изобразительный ансамбль Каповой пещеры.

Глава состоит из двух разделов. Первый раздел главы II посвящен краткому описанию некоторых результатов изучения красочных пигментов и обзору

изобразительного ансамбля Каповой пещеры. Второй раздел представляет собой обзор художественных практик в верхнем палеолите региона. Необходимо подчеркнуть, что описание изображений не является каталогом рисунков Каповой пещеры.

В результате исследований О. Н. Бадера были выявлены основные группы рисунков. Изображения зафиксированы на верхнем (зал Рисунков) и среднем (залы Купольный, Знаков, Хаоса) этажах пещеры, где представлены зооморфные образы (мамонтов, лошадей, носорога, бизона, рыбы), геометрические знаки и единичная фигура зооантропоморфа. Большое количество рисунков на среднем этаже Каповой пещеры из-за неблагоприятных естественных факторов и антропогенной деятельности оказались размытыми, часть изображений разрушена людьми.

Наиболее многочисленны, как и во многих западно-европейских пещерах, геометрические знаки. Однако преобладают размытые красные пятна, которые могут быть остатками разрушенных рисунков, а в некоторых случаях представлять собой намеренно нанесенную на стены краску с заведомо бесформенными контурами.

Разницей подходов к рассмотрению изобразительного ансамбля Каповой пещеры объясняется несоответствие общего количества изображений, приводимых в опубликованных работах и архивных материалах О. Н. Бадера, В. Е. Щелинского, В. П. Любина, В. Г. Котова, Ю. С. Ляхницкого и А. К. Солодейникова. Убедительным примером истинности археологического подхода, сформированного в отечественном и зарубежном палеолитоведении, о котором писала З. А. Абрамова, является результат прямого датирования одного из псевдоизображений (оставлено между 1696 и 1919 гг.) в зале Рисунков.

На верхнем этаже пещеры настенные изображения сосредоточены практически только в зале Рисунков. Единственное исключение – это геометрический знак в виде точки, обнаруженный в Первой галерее, идущей от Ближнего колодца. В зале Рисунков изображения сохранились открытыми и практически не затронуты натечными образованиями.

Подавляющее число рисунков здесь сосредоточено в пределах двух панно – Восточного и Западного. Они расположены на восточной и западной стенах зала,

практически напротив друг друга. Обе группы изображений выполнены по большей части ярко-красным (алым) пигментом, как и большинство настенных изображений в Каповой пещере. Вне панно известно несколько дискуссионных изображений, в т. ч. мамонта и лошади, нарисованных углем.

Восточное панно расположено на ограниченном ровном скальном участке восточной стены, в нескольких метрах севернее уступа шестиметровой высоты – выхода из зала Рисунков в дальнюю часть верхнего этажа пещеры. Вероятно, удобный подход к единственному доступному ровному участку стены и место его расположения явились причиной выбора для осуществления художественной деятельности. Участок стены и вся совокупность изображений Восточного панно разделены естественным образом на три крупные основные части – северную, центральную и южную. Всего на Восточном панно на сегодняшний день сохранилось не менее 12 фигур.

В северной части Восточного панно выявлено три рисунка животных. Фигура первого мамонта, ориентированного головой налево, выполнена с использованием особенностей рельефа стены. Левее и ниже фигуры первого мамонта, на своего рода негативе скола нижней грани плиты Восточного панно, выявлена отдельная красная линия. Правее фигуры первого мамонта в северной части Восточного панно расположены ещё два изображения этих животных (№№ 2 и 9 по О. Н. Бадеру). Между первым и вторым мамонтами на стене проступает слабое пятно краски. Второй мамонт (мамонт-«диссидент») является редким типом палеолитического изображения – вторичным парциальным изображением-палимпсестом с усиленным красочным подновлением ведущего смыслового фрагмента рисунка поверх схожего, но не аналогичного первоначального контура. Фигура 9-го («бледного») мамонта расположена под фигурой 2-го и практически не видна.

На Центральном участке Восточного панно представлено не менее 6 изображений. Фигура первой лошади («лошади Рюмина»), обращенная головой налево, выполнена с учетом неровностей рельефа стены. Ряд особенностей изображения возможно объяснить использованием техники перспективы для

преднамеренного искажения пропорций и формы с целью получения реалистического впечатления.

Под передними копытами лошади находится несколько плохо различимых красочных пятен, некоторые из которых представляют собой, по всей видимости, остатки рисунка.

Фигура 3-го мамонта, обращенная головой налево, находится позади крупа лошади и на две трети фигуры выше её. Этапность изобразительной работы, хорошо видимая при изучении этого рисунка, имеет прямые аналогии в художественных ансамблях франко-кантабрийских пещерных памятников.

Массивная подтрапециевидная фигура носорога, обращенная головой налево, расположена под рисунком 3-го мамонта. Следует отметить такие детали образа, как специфические уши и хорошо проработанный рог.

Туловище носорога расчерчено³ вертикальными линиями, что имеет аналогии с расчерченностью геометрического знака, расположенного под ним.

Под передними ногами носорога расположен левый край геометрического знака «Большая трапеция с ушками». Практически аналогичный знак представлен на панно «Лошади и знаки» в зале Хаоса.

Правее, а также ниже и правее окончания левой дугообразной линии трапеции, расположены плохо сохранившиеся и/или нерасчищенные линии и пятна. Относительная четкость некоторых из них свидетельствует о том, что на участке между правой нижней границей Большой трапеции и естественным окончанием скальной площади стены центрального участка Восточного панно располагаются остатки изображений. Также их достаточно много и в желобе канала, разделяющего панно. Некоторые из пятен могли быть остатками фигуры 11-го мамонта, в которой О. Н. Бадер сомневался, хотя и выделил под знаком вопроса.

Фигура 8-го мамонта или маленького носорога №2 расположена между задними ногами лошади и рогом носорога. Животное нарисовано краской, сохранившей практически ту же интенсивность, что и другие фигуры этого участка панно. Признаков целенаправленной стертости или неподновления нет. Эта фигура

---

³ Вопрос о расчерченности фигур лошади и 3-го мамонта в этой части Восточного панно пока остается открытым.

является не забытым или утратившим актуальность изображением, но полноправным действующим персонажем в общей структуре Восточного панно. Это тем более важно, что имеет зеркальное отражение двух мамонтов принципиально разного размера на Западном панно.

На южном участке Восточного панно выделяются 2-я лошадь, 4-й и 10-й мамонты. Фигура лошади сохранилась плохо. Хвост изображен волнистым контуром достаточно густым и очень длинным (похожий хвост у верхней лошади на панно «Лошади и знаки» в зале Хаоса). За крупом лошади просматриваются пятна пигмента. По всей видимости, это остатки изображений.

Фигура 4-го мамонта расположена под рисунком 2-ой лошади. Длинный хобот с характерным расширением кончика поднят и загнут в сторону головы. Анализ пятен и линий на этом участке фигуры позволяет говорить о вероятном изменении положения бивней – их стирании и перерисовки. Аналогичная ситуация наблюдается и с расположенной ниже подвертикальной фигурой мамонта №10. Позади 4-го мамонта находится небольшое пятно того же цвета.

На центральном участке Восточного панно, под изображениями, расположен зооморфный кальцитовый натек со следами негативов сколов на предполагаемой линии спины животного. В процессе изучения настенных изображений была подтверждена истинность наблюдений А. В. Рюмина об остатках окрашенности этого натёка. Есть все основания рассматривать модифицированный натек в качестве составной части изобразительного ансамбля Восточного панно.

В. Е. Щелинским выявлены следы деятельности по подготовке поверхности стены с Восточным панно перед нанесением рисунков, что свидетельствует о предварительном планировании размещения изображений.

Подводя итог сказанному выше, необходимо, прежде всего, отметить следы неоднократной изобразительной деятельности палеолитических художников на Восточном панно. Особенности в передаче фигур мамонтов южной части панно имеют ярко выраженный специфический характер. Их самостоятельное значение в общей композиции, как и вертикальная трехчастная структура, свидетельствует о глубокой продуманности и взаимосвязи всех трех участков Восточного панно. Большинство фигур относятся к последней генерации изображений, тогда как

слабые следы пигмента в виде пятен, «бледный мамонт» и первоначальная фигура «мамонта-диссидента» могут относиться к более ранним этапам художественной деятельности на Восточном панно.

На Западном панно представлено гораздо меньше фигур – бизон, мамонт и «мамонтёнок» (исходя из современных представлений об этологии хоботных), большой мамонт (мамонты №№5-7 по О. Н. Бадеру). Специфика изображений этого панно заключается в том, что человек для придания динамизма фигурам животных, выделения некоторых особенностей экстерьера, придания объемности и для обозначения линии поверхности, на которой расположены звери, использовал особенности рельефа стены.

Контурные фигуры бизона, обращенного головой налево, мастерски вписаны, а отдельные элементы подчеркнуты особенностями рельефа стены, за счет чего создается удивительный эффект объема.

Фигура 5-го мамонта, обращенного головой налево, также выделена как с помощью графических средств, так и с использованием особенностей рельефа стены. Линия, изображающая правый бивень, видна очень плохо. Перед бивнями расположена отдельная точка красного цвета плохой сохранности. Неидентифицируемое пятно расположено правее и выше хвоста пятого мамонта. Его подробное описание представлено в тексте работы. Фигура 6-го мамонта расположена практически сразу за изображением 5-го и значительно его меньше. По всей видимости, рисунок шестого мамонта передает образ мамонтенка, следующего за взрослым животным. Бивни отсутствуют. Над фигурой «мамонтенка», в районе трещины стены, фиксируется вытянутое пятно пигмента. Изображение 7-го мамонта выполнено в силуэтной манере, но основная контурная линия рисунка прослеживается отчетливо. Над задней частью фигуры О. Н. Бадером были зафиксированы 5 красных точек и две – одна над другой – расположены над головой.

На западной стене зала, за пределами панно, известно несколько рисунков, сделанных углем. Некоторые из них действительно похожи на верхнепалеолитические изображения, однако до появления результатов прямого датирования говорить об их стилистических особенностях и специфичности

топографического размещения рано. Наибольшее внимание привлекают фигуры «черной лошади» и «черного мамонта».

Важной характеристикой обоих панно является практически полное отсутствие геометрических знаков, а также явные следы изменения изобразительного ряда. О непосредственной взаимосвязи восточного и западного панно красноречиво свидетельствует и длина участков стен, занятых росписями. Данное сходство, по всей видимости, имеет существенное значение для пространственного восприятия изобразительных комплексов. Особенно важна, с учетом размерного единства обоих панно, смысловая нагрузка, передаваемая посредством различной организации изобразительного пространства.

Совершенно иной ансамбль изображений представлен на среднем ярусе Каповой пещеры. В переходе от Сталактитового зала в Купольный – в т. н. Горле на низком своде потолка расположены плохо сохранившиеся линии и точки, впервые зафиксированные О. Н. Бадером.

В Купольном зале рисунки представлены, за редчайшим исключением, пятнами красного цвета в нише западной стены и около неё, на восточной стене, в юго-западной части зала на огромном блоке известняка; а также на юго-восточной стене арки – перехода в следующий зал – зал Знаков.

Основная масса изображений сосредоточена на западной стене – около и внутри т. н. Западной ниши. Значительное количество рисунков до сих пор скрыто под кальцитовыми натёками. Одним из наиболее хорошо сохранившихся является расположенный на подтреугольном выступе северной стенки ниши геометрический знак в виде асимметричного треугольника.

Практически в самом конце западной стены, в т. ч. и около её стыка с северной, на высоте от двух до четырех метров над современным уровнем пола зала, расположено несколько крупных красных пятен расплывшегося пигмента красного цвета. Одно из них имеет зооморфное очертание. Вероятно, это силуэтное, плохо сохранившееся изображение передней части лошади. Важным обстоятельством для понимания изобразительного ансамбля у Западной ниши Купольного зала является тот факт, что культурные остатки верхнепалеолитического времени, в которых зафиксированы и остатки красочных пигментов, расположены на глубине от 0,5 м

от современного уровня пола зала. Следовательно, изображения, остатки которых приходится сегодня рассматривать, нагибаясь, были в эпоху верхнего палеолита расположены на комфортном для рисования и осмотра высоте. Тогда как рисунки, сделанные над нишей, на её условном козырьке, находились в верхнепалеолитическое время значительно выше уровня человеческого роста.

На Восточной и Южной стенах расположены остатки рисунков, многие из которых были отмечены ещё О. Н. Бадером. Сохранность этих пятен краски удручающая. Практически напротив Западной ниши, рядом с восточной стеной зала, перед глыбовым завалом, на крупном блоке известняка зафиксировано несколько красочных изображений, в т. ч. – парциальный рисунок неопределимого животного и знаки. Фигура животного, выполненная на вертикальной поверхности глыбы, лишена головы, а своим обликом напоминает образ хищника. В Каповой пещере это изображение является редким ацефальным монументальным рисунком. Определённая аналогия просматривается с изображением на камне из раскопок В. Е. Щелинского. Следует обратить внимание и на тот факт, что рисунки в обоих случаях сделаны не на стене пещеры.

Одним из наиболее значимых панно является комплекс изображений на восточной стене у прохода из Купольного зала в зал Знаков. Панно с условным названием «Решетка» расположено в неглубокой нише трапециевидной формы. Сохранность рисунков достаточно плохая. На левой части панно представлены удовлетворительно сохранившиеся геометрические знаки и линии, выполненные пигментом красно-алого цвета. В правой части панно расположены составляющие отдельный геометрический знак длинные диагональные линии красно-вишневого цвета. Ряд линий и пятен красного цвета накладываются на вишневые линии. По сути, это явный палимпсест.

В нижнем правом углу, отделенном от основной части панно диагонально расположенным ребром кальцитового натёка, находится несколько фигур. Две фигуры представляют собой «молоточковидные» (Т-образные) знаки, выполненные красно-алым пигментом.

На левой границе панно находится необычная геометрическая фигура, более всего напоминающая прямоугольник со скошенной стороной и скругленными

нижними углами. Отдельные пятна и минимум одна расплывшаяся фигура располагаются на левом бортике ниши.

Левее ниши с панно «Решетка» на стене расположено несколько красно-алых пятен и одна читаемая фигура – «молоточковидный» (Т-образный) знак или трапеция плохой сохранности.

Сохранность и микростратиграфические особенности расположения пигментов двух цветов на поверхности стены с панно «Решетка» достаточно убедительно свидетельствуют об археологической синхронности изображений, нарисованных двумя цветами. Исключением являются линии и пятна, наложенные поверх знака «решетки». Важно, что этот знак не был стерт, а именно закрашен. Более того, размерная взаимосвязь разных частей двух центральных фигур панно – знака «решетки» и расчерченного прямоугольника – свидетельствует о тесной взаимосвязи первоначального замысла перед их созданием. Имеющиеся археологические материалы подтверждают совместное залегание пигментов красно-алого и вишневого цветов в культурных слоях. Следовательно, использование пигментов разных цветов на поверхности одного панно не является априорным свидетельством (археологической) одновременности изображений.

По разнообразию знаков и сложности их внешней и внутренней формы панно «Решетка» имеет прямое сходство с изобразительным районом «Щель» в зале Хаоса.

В зале Знаков изображения расположены на западной, северной и южной стенах. Среди рисунков, степень сохранности которых позволяет идентифицировать их форму вполне достоверно, представлены практически исключительно геометрические знаки.

На Западной стене располагается панно, в центре которого находится единственная достоверная в этом зале зооморфная фигура. Кроме неё сохранилась трапеция с «ушками». Под панно сосредоточены глыбы известняка, на поверхности одной из которых обнаружены следы окрашивания, характерные для крупных скоплений пигментов, размещавшихся вблизи от панелей с изображениями. Правее, за естественной границей панно с зооморфной фигурой и сравнительно её ниже, на отдельной плите располагается трапеция с «ушками». Два этих знака

аналогичны трапеции, расположенной слева на панно со знаком-«решеткой», и сходными по общему контуру фигур с молоточковидными (Т-образными) знаками, находящимися на правом краю того же панно.

Далее, справа на этой стене расположено достаточно большое количество практически не сохранившихся остатков изображений – красочных пятен и линий. Возможно, среди них присутствовали не только геометрические фигуры, но и зооморфные образы. Крупная концентрация разрушенных изображений находится в правой части стены, в углу зала.

Одним из наиболее хорошо сохранившихся знаков северной стены зала является фигура треугольника, расположенного основанием вверх. Треугольник нарисован на подтреугольном выступе стены. Внутри треугольника вписан еще один, дублирующий своим контуром основной внешний контур фигуры. Выступ стены, на котором нанесен этот знак, практически идентичен с точки зрения формы и морфологии уступу в Западной нише Купольного зала, где также нарисована фигура треугольника. Выбор сходных морфологических особенностей стен для нанесения сходных изображений является свидетельством преднамеренного выбора отдельных элементов особой конфигурации естественного рельефа для изображения знаков определенного типа. Более того, оба треугольника, аналогий которым в пещере больше пока не выявлено, расположены на стенах, под которыми в эпоху верхнего палеолита располагались площадки посещения. Приведенные выше факты свидетельствуют и о взаимосвязи геометрических знаков, и, возможно, о типах деятельности, осуществлявшейся в местах их размещения.

Знак треугольника является одной из наиболее распространенных геометрических фигур как в пещерном искусстве верхнего палеолита Франко-Кантабрии, так и в мобильном искусстве этого периода в Евразии. Перевернутый треугольник служил, по конвенциональному представлению исследователей первобытной культуры, символом женского начала.

Кроме фигуры треугольника, на северной стене со времени начала работы экспедиции О. Н. Бадера зафиксировано очень большое количество остатков красочных изображений, частично не расчищенных из-за риска осыпания как естественной подложки пигмента, так и его самого.

Именно в этой части зала Знаков работами экспедиции под руководством В. Е. Щелинского был изучен культурный слой верхнего палеолита.

В дальней части зала, расположенной ближе к началу каменного завала зала Хаоса, также известно значительное количество изображений. Одной из наиболее хорошо сохранившихся фигур является крупный трапециевидный знак, форма которого близка к прямоугольной. В заключение краткого обзора следов изображений на стенах зала Знаков подчеркнута сложная проблема т. н. «лошади Ильина», которая представляет собой зооморфную фигуру (?), очертания которой на стене моделированы суглинком.

В зале Хаоса первым важным объектом является панно «Лошади и знаки», в центре которого расположены минимум пять фигур – два геометрических знака, две лошади и большая трапеция с «ушками» между ними.

Некоторые детали фигуры верхней лошади свидетельствуют о наличии признаков обновления рисунка. Широкий и волнистый хвост похож на хвост второй лошади Восточного панно зала Рисунков. Над спиной лошади расположен хорошо видимый геометрический знак «расческа». Выше него расположен «молоточковидный» (Т-образный) знак. Ниже изображения первой лошади расположен рисунок большой расчерченной трапеции с «ушками», практически аналогичной трапеции из зала Рисунков. Под знаком находится нижняя фигура лошади, хвост которой показан очень коротким.

Одной из важнейших особенностей обеих фигур лошадей является их полихромность. Частичная оконтуренность черным пигментом основной линии силуэта (гривы, челки и шеи) животных выявлена только на этом панно. Не менее важным представляются и четкие черные полосы, пересекающие по диагонали туловище нижней лошади.

Слева от изображений лошадей и большой трапеции с «ушками» расположен геометрический знак трапеция с «ушками» малого размера.

Левее трапеции была осуществлена попытка дальнейшей расчистки композиции, в результате чего открыта из-под кальцитового натека часть неидентифицируемой фигуры.

За углом массивного выступа стены с панно «Лошади и знаки» расположено еще несколько остатков изображений.

Изображение рыбы расположено на южной поверхности восточной стены зала Хаоса, являющейся одной из стен Треугольного тупика. Под рисунком обнаружены фрагменты разбитой палитры. Рядом располагается глыба с остатками пигмента, затоптанного ногами посетителей.

Следующий за Треугольным тупиком отдел зала Хаоса носит название «Щель». На низком потолке этого отдела пещеры сосредоточено большое количество изображений плохой сохранности. Подавляющее большинство из них, за исключением единичных геометрических знаков, просматриваются фрагментарно. По всей видимости, здесь представлены и зооморфные фигуры. На одном из участков расположены два геометрических знака, которые имеют аналогии на панно «Решетка» в Купольном зале. Над этими двумя фигурами располагается плохо различимый «молоточковидный» (Т-образный) знак.

В самом конце зала Хаоса, на выступе его тупиковой стены, расчищено панно с двумя фигурами, размещенными одна над другой: верхняя – лошадь, нижняя – зооантропоморф. Высота расположения рисунков от современного уровня пола зала составляет от 3,30 м до 3,80 м.

Следует отметить тот факт, что на среднем этаже пещеры значительная часть изображений скрыта кальцитовыми натёками. Следовательно, сейчас невозможно говорить о точном количестве изображений.

Одним из важных результатов работы является выявление взаимосвязи изобразительных панно во всех залах среднего этажа (Купольный, Знаков и Хаоса) на основе представленности «молоточковидных» (Т-образных) знаков. Наличие этого типа знаков и их включенность в изобразительные схемы (композиции) панно позволяют выделить этот знак (с вариациями) в отдельный тип и считать, наряду с трапециями с «ушком», одним из знаков-маркеров пещеры. Следует обратить внимание и на тот факт, что «молоточковидный» знак отсутствует на Восточном панно зала Рисунков, тогда как на панно «Лошади и знаки» его изображение есть, что снова подчеркивает намеренное различие в построении композиции этих столь явно (даже демонстративно) похожих панно разных этажей. Присутствие

«молоточковидных» знаков в Щели наглядно демонстрирует взаимосвязь основных панно среднего этажа.

Следует отметить, что в Каповой пещере присутствуют геометрические знаки, аналогичные знакам из франко-кантабрийских пещер: линии, точки, овалы, треугольники; а также расческообразный знак. Наиболее распространенные знаки – (расчерченные) трапеции – входят в широкий круг типа «четыреугольников»⁴. Аналогии трапециям и сложным знакам, схожим с представленными на панно «Решетка» и в Щели, известны на стенах испанских пещер Эррериас, Тито Бустийо, Агуас де Новалес, Эль Кастильо и некоторых других.

Глава III. Свидетельства деятельности человека в пещерах с настенными изображениями верхнего палеолита Франко-Кантабрии

Глава состоит из четырех разделов. Первый раздел главы содержит обзор следов деятельности человека в ряде франко-кантабрийских пещер с настенными изображениями.

На территории франко-кантабрийской зоны развития пещерного монументального искусства известны более 280 памятников. В Центральной и Восточной Европе выявлены считанные единицы памятников пещерного палеолитического искусства.

Карстовая система, носящая название «пещеры реки Волп», расположена в департаменте Арьеж в Центральных Пиренеях и состоит из трех пещер: на востоке – Энлен, в центре – Три брата и на западе – Тюк д’Одубер. Неизвестно наличие связи между пещерами Три Брата и Тюк д’Одубер.

Подземные полости Тюк д’Одубер и Три Брата использовались в мадленское время в качестве пещерных святилищ. Описания пещер и находок сделаны на основе ряда работ, включая публикации Р. Бегуэна, Ж. Клотта и других, а также на собственных наблюдениях автора.

В пещере Энлен исследованы следы обитания граветтийского и мадленского времени. Кроме обычных для поселенческого памятника культурных остатков, в

---

⁴ Аналогичный геометрический знак представлен рядом с изображением лошадей и других фигур на Черном фризе в Игнатиевской пещере.

залах и коридорах зафиксированы следы практик иного рода: «закладки» костных объектов в стенах, воткнутые в пол кости, следы краски (красные пятна) в Дальнем зале. «Закладки» объектов известны во всех отделах пещеры, но наибольшая концентрация выявлена в Зале Мертвых и Дальнем зале, включая его конец, где отсутствуют следы обитания, но есть следы окрашенности стен, а также в коридоре, соединяющем два зала.

Гипотеза функционального использования «закладок», например, в качестве крючков для подвешивания и др., неубедительны, т. к. далеко не всегда эти объекты расположены перпендикулярно стене, чаще всего сломаны и надёжно спрятаны в трещинах пещерных стен и скальных выступов. В той же мере этот тезис относится ко всему корпусу «закладок» в других пещерных святилищ (Гаргас, Истюриц, Монтеспан и т. д.).

Исследователи пещеры Энлен отмечают, что плотность распределения «закладок» не связана с плотностью распределения следов жизнедеятельности в зоне обитания. Однако исследователями отчетливо фиксируется топографическая связь между пятнами красного пигмента на стенах и «закладками» как в Энлен, так и в других франко-кантабрийских пещерах.

Вход в пещеру Три Брата осуществлялся мадленцами через пещеру Энлен. В отличие от Энлен, пещера Три Брата никогда не служила для обитания людей. Более тысячи настенных изображений, в большинстве своем – гравированных, зафиксированы в пещере: лошадей, бизонов, оленей, носорога и др., а также антропоморфов, геометрические знаки и неидентифицируемые изображения. Одним из центральных изображений является фигура т. н. Колдуна. Использование природных форм рельефа стен носит систематический характер.

Собранный массив данных позволяет уверенно выявить свидетельства нескольких кратковременных посещений пещеры. В отличие от Энлен, в пещере Три Брата многочисленные «закладки» сделаны вне контекста жилого пространства, но в центре пещерного святилища с настенными изображениями. Некоторые из «закладок» прямо связаны с изображениями.

Следует отметить существенное разнообразие типов объектов в них: каменные предметы, охра, кости, зубы, раковины. Количество изделий из камня значительно

превышает число костных объектов. Это абсолютная противоположность обитаемой пещере Энлен.

Пещера Тюк д'Одубер расположена на трех уровнях. Нижний уровень занят подземным руслом реки и выходит на поверхность в пещере на среднем уровне, на котором обнаружены настенные гравированные и рисованные изображения, а также культурные остатки, включая площадки посещения. Вход на верхний этаж возможен только через узкий колодец высотой 14 м. Узкий лаз делит верхний ярус на две части. Свидетельства деятельности мадленских людей представлены настенными гравированными изображениями, отпечатками ног и рук на глинистом полу, разбитыми черепами пещерных медведей, сломанными натечными кальцитовыми формами и т. д. В последнем зале этого этажа располагаются знаменитые фигуры бизонов, моделированные из глины.

Художественный ансамбль Тюк д'Одубер принадлежит миру среднего мадлена. Настенные изображения представлены зооморфными рисунками и гравюрами, большим количеством абстрактных символов, антропоморфной маской и изображением вульвы. Наибольшее количество изображений в пещере (не менее 75%) составляют геометрические знаки и другие беспредметные рисунки.

В Тюк д'Одубер, по мнению ряда исследователей, наблюдается та же картина разделения зон обитания и «святилища», как между Энлен и Три Брата. Часть среднего уровня можно рассматривать как площадку обитания или посещения, а верхний уровень – пространство святилища.

Посещения среднего этажа продолжались в течение по крайней мере нескольких поколений. Зафиксированы четыре площадки посещения. Наибольшая концентрация культурных остатков находится в устье галереи Каменного барана около прохода к р. Волп. В стороне от прохода обнаружена площадка посещения около 18 м² с оградой, образованной обломками натечных образований и крупными глыбами сталагмитовых натеков, поставленных вертикально. Низкий свод не позволяет стоять во весь рост внутри огороженного пространства. Здесь обнаружен кремневый инвентарь, украшения из кости около очага, на стенах представлены гравированные и нарисованные изображения, в трещинах стен сделаны «закладки» фрагментов костей. С точки зрения организации подземного пространства и

деятельности в пещере, функционально, по мнению исследователей, площадки посещения можно обозначить следующим образом: зона распространения культурных остатков в этой галерее могла быть основным местом организации символической и хозяйственно-бытовой деятельности, тогда в местах распространения культурных остатков в других залах деятельность была более специализированной.

На верхнем этаже нет площадок обитания. В четырех залах и галереях этажа зафиксированы более 50 случаев манипуляций с костными остатками пещерных медведей. Кроме того, зафиксированы следы сломов, перемещений и складывания натеков, 85 следов ног в 4 зонах концентрации, а также несколько знаков, начерченных на полу, и, конечно, глиняные бизоны.

Отсутствие ярко выраженной зоны пребывания и площадки посещения на верхнем этаже связано, вероятно, с удаленностью входа в пещеру, трудностями доступа и подъема через колодец. Если символическая деятельность была главной причиной и мотивом мадленцев для посещения Тюк д'Одубер, то было необходимо, чтобы группа была обеспечена средствами и ресурсами для своей деятельности.

По всей видимости, выделяется два типа пещер. Один тип – это памятники, археологические следы посещения которых (оставляя за скобками настенные изображения) минимальны, ввиду того, что в непосредственной близости от этих святилищ (иногда – в привходовой части) располагались места обитания коллективов охотников-собираателей (Энлен/Три Брата, Нио/Ла Ваш, Монтеспан, Альтамира). И другой тип – пещеры, в которых археологические материалы связаны в том числе с площадками посещения, а базовые стоянки расположены (если известны) на некотором удалении.

В тексте первого раздела главы III подробно описаны и следы деятельности человека в других пещерах с настенными изображениями: Шовэ, Бедейак, Фонтане, Портель и Гаргас. Во втором разделе особое внимание сосредоточено на искусственных конструкциях из камня в европейских пещерных памятниках с настенными изображениями верхнего палеолита на примере пещер Ла Гарма, Нижняя галерея и Тито Бустийо. В третьем разделе рассматриваются основные

практики использования кальцита на европейских палеолитических пещерных памятниках с настенными изображениями (Пеш-Мерль, Коске, Куньяк, Арси-сюр-Кюр, Мулен-де-Лагенэ и др.).

В Каповой пещере использование кальцитовых натечков в верхнем палеолите, с учетом индивидуальной специфики памятника, имеет прямые аналогии с пещерами Франко-Кантабрийской зоны развития монументального палеолитического искусства. Среди этих общих черт особенно выделяются следующие: использование кальцитовых натечков как особенностей рельефа стены в художественной деятельности; разрушение/сбивание и/или собирание кальцитовых натечков в разных отделах пещер; перенос и использование отбитых и/или подобранных фрагментов натечков из одних отделов пещер в другие; использование крупных фрагментов кальцитовых натечков для сооружения искусственных конструкций; использование фрагментов кальцита для изготовления разнообразных предметов в т. ч. орудий и ёмкостей для смешивания краски (и жировых ламп); использование фрагментов кальцита для создания визуальных объектов, а также украшений.

Одной из наиболее сложных для нашего понимания практик остается разрушение кальцитовых натечков и их перемещение в другие отделы пещеры и за её пределы, а также сбор мондмилыха. Ж. Клотт с коллегами полагают на основе широкого круга этнографических и письменных источников, что кальцитовые натечки могли измельчаться для использования, как и мондмилых, в качестве лекарственных веществ. Самые древние письменные источники об употреблении мондмилыха и порошков из сталактитов и сталагмитов в фармакологии Китая датируются IV в. до н.э. Масштабное применение кальцитовых порошков в медицинских практиках сходит на нет в Европе только в XVIII в., а в Китае – в XIX в. Французские исследователи полагают, что свидетельства сбора мондмилыха, разрушения и перемещения в Коске кальцитовых натечков могут служить одним из древнейших примеров использования природных пещерных продуктов в качестве лекарственных средств.

Следует подчеркнуть, что Капова пещера до сих пор является объектом особого отношения со стороны значительного числа жителей региона. А кальцит,

пещерную глину и некоторые другие природные продукты (в качестве лекарственных средств) выносили из пещеры до последнего времени, пока проход в основные залы не был полностью запрещен. Поэтому предположение французских исследователей о лечебном использовании мондмильха и кальцитовых натек в верхнем палеолите вполне оправдано, как и экстраполяция этой идеи на одно из направлений деятельности человека позднплейстоценового времени в Каповой пещере.

Практика широкого использования натек позволяет предполагать, что этот материал не имел в представлении палеолитического человека каких-либо особенных, исключительно сакральных или символических, свойств и применялся в зависимости от необходимости в самых разнообразных целях.

В четвертом разделе главы III приводится обзор костяных индустрий пещерных верхнепалеолитических памятников с настенными изображениями Франко-Кантабрии. На основе представленности разных типов изделий показано широкое разнообразие практик, осуществлявшихся в подземных святилищах.

Основным выводом главы III может служить выделение общих принципов организации верхнепалеолитических пещерных святилищ Франко-Кантабрии, которые выявляются на основе следов деятельности человека. В основе этого лежит зонирование подземной полости и с точки зрения размещения отдельных типов настенных изображений, и с точки зрения хозяйственно-бытовых и ритуализированных практик.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, можно сказать, что и в Каповой пещере, и во франко-кантабрийских пещерах с верхнепалеолитическими настенными изображениями основными общими археологическими следами деятельности человека является:

- зонирование (структурирование) подземной полости с точки зрения взаимосвязи топографии и осуществления различных по содержанию практик в разных отделах пещер во взаимосвязи с топографией распределения частей изобразительного ансамбля;

- использование пигмента, включая оставление «кладиков»-скоплений и закладок;
- технологические принципы изготовления краски;
- стирание и подновление рисунков;
- следы неидентифицируемых практик манипуляций с краской;
- широкое использование пещерной глины;
- «закладки» костей и натеков и, по всей видимости, предметов, включая палитры и разбитые плитки;
- разнообразие практик использования натечных кальцитовых образований;
- разрушение плиток с изображениями (следы этих практик наиболее часто фиксируются в ассоциации с площадками посещения или жилыми);
- наличие в коллекциях изделий и материалов, принесенных на значительные расстояния;
- фиксация следов активной многогранной деятельности, выходящей за узкие рамки понятия святилища, включая хозяйственно-бытовые и организационные мероприятия.

По всей видимости, крупные пещерные памятники с настенными изображениями являлись «региональными святилищами» – региональными центрами регулярных сборов родственных коллективов для решения социально-хозяйственных вопросов и поддержания культурно-родственных связей («aggregation site»).

Утверждение тезиса о связи прямого происхождения изобразительного ансамбля Каповой пещеры с Франко-Кантабрийской областью развития пещерного искусства верхнего палеолита основано на следующих фактах: схожий набор образов животных, реалистичность изображений животных с одновременной стилизацией отдельных элементов фигур, широкое использование естественных особенностей рельефа поверхностей, общий набор технических изобразительных приемов, особенности изображения и выделения отдельных частей тела, преобладание геометрических знаков (часть из которых находит прямые аналоги в изобразительных комплексах французских и испанских пещер), зонированность в размещении образов и тем – как между этажами, так и в пространстве каждого из них, (включая выделенность «красных» и «белых» зон).

Материальные остатки деятельности человека на площадках посещения в Каповой пещере демонстрируют все признаки разнообразных занятий, связанных как с хозяйственно-бытовыми, так и с символическими практиками.

Ключевой особенностью отличия типологического набора предметов костяной и каменной индустрии пещерных памятников с настенными изображениями от коллекций памятников поселенческого типа является, как правило, редуцированный набор изделий; практически полное отсутствие заготовок и отходов производства. С другой стороны, категории орудий, связанные с «домашним производством» (лощила, иглы, шилья, скребки и пр.) позволяют предполагать значительно более широкий диапазон деятельности человека в пещерах с настенными изображениями, чем это представляется обычно.

Остатки площадок посещения в совокупности с явным преобладанием изображений знаков на стенах, а также следов разрушения изображений, возможно, свидетельствует об особом статусе некоторых отделов пещеры. Кроме того, выявленные свидетельства, аналогичные повседневной домашней деятельности, фиксируемые на поселенческих памятниках открытого типа, демонстрируют необходимость использования методических приемов и подходов, применяемых для изучения и анализа всей совокупности следов жизнедеятельности на открытых стоянках при анализе следов деятельности человека в пещерных святилищах, в том числе зональной дифференциации подземной полости. Единый методический подход к изучению, казалось бы, абсолютно разного типа памятников позволит выявить важные общие, а следовательно – глубинные, черты в поведении человека и организации им пространства вокруг.

Археологическое изучение разных пунктов распространения культурных слоев в пещерах, как и находки на поверхности пола залов и заложенных в трещины стен предметов, не позволяют ответить на вопрос о синхронности накопления материала. Разные типы орудий, обнаруживаемые в разных отделах одной пещеры, дают основания говорить о неодинаковой специфической конкретной деятельности и проводимых мероприятиях в отдельных пунктах освоения подземных полостей.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о фиксации следов разносторонних практик, осуществлявшихся группами людей с определенной

регулярностью. Часть свидетельств деятельности человека невозможно четко разделить на хозяйственно-бытовые и символические практики. Их переплетение и в сознании первобытного человека, и в археологических материалах демонстрирует сложносоставную среду использования пространства Каповой пещеры. Особое значение в связи с этим представляют собой и примеры развития символических и хозяйственно-бытовых практик голоценового времени в Каповой пещере. Открытие погребальных комплексов позднего бронзового века, следов посещений подземной полости в раннем железном веке и средневековье, а также свидетельств целенаправленного сбора (вплоть до этнографической современности) кальцитовых натечков для использования в лечебных целях свидетельствует о сложнейших этноисторических механизмах передачи базовой культурной информации сквозь существенные отрезки времени.

Основываясь на этнографических материалах о ранжировании святилищ коренных народов Севера России на родовые и региональные, а также исходя из археологических данных, свидетельствующих о далеких и разнонаправленных источниках сырья (включая экзотическое) из культурных слоев Каповой пещеры, есть все основания рассматривать этот памятник как пример регионального пещерного святилища верхнего палеолита Поволжья, Урала, Зауралья и, возможно, прилегающих областей Западной Сибири.

Сходные приемы изображения отдельных частей тела вместе со схожими знаками и принципами их использования, как и использования естественного рельефа стен, выбор основных видов животных, наличие зоантропоморфа и его топографическое размещение – всё это вместе с художественной техникой, стилем, а также с очень редким для памятников Центральной и Восточной Европы типом предмета быта – специальных светильников, относится к широкому кругу свидетельств о прямой культурной основе связи коллектива, использовавшего Капову пещеру как святилище, с западно-европейскими коллективами, обустроивавшими свои ритуальные центры в пещерах Франко-Кантабрии. Уникальность Каповой пещеры состоит ещё и в том, что на памятниках с настенными изображениями в Румынии зафиксированы настенные изображения,

но не выявлен весь комплекс следов деятельности, аналогичный уральскому и франко-кантабрийским святилищам.

Акты осуществления «закладок», когда действие означает не меньше, чем объект, как и акты разбивания, означающие окончание процесса «существования» целого предмета, связаны с некоторыми категориями объектов на открытых стоянках. В Каповой такие «закладки», символизирующие акты завершения, мы видим, например, в спрятанных палитрах или чашечки в щели. К ним же может относиться и пункт со сломанным лоцилом, и укрытые плитой палитры под изображением рыбы. Более того, некоторые скопления охры могут быть действием именно оставления пигмента в качестве завершающего акта художественной деятельности конкретного посещения пещеры, во время которого происходило создание нового/новых рисунков или подновление имеющихся. При этом не исключена вероятность возможности использования этих запасов для того же подновления изображений или другой художественной деятельности, например, раскрашивания тела. Возможно, в этот же ряд укладываются и разбитые плитки из завала в Купольном, где также присутствуют «закладки» разных типов. Камень с рисунком ацефального мамонта из раскопа в зале Знаков попадает в эту же категорию – разбитых камней с изображениями. Факты его исключительности – в нахождении на площадке посещения и изображения фигуры животного – взаимосвязаны. Более того, в этом ракурсе очень логично встраивается ацефальное изображение животного на глыбе в Купольном зале – перед завалом разбитых плиток. Параллель намеренной фрагментации изображения и деятельности по разбиванию очевидна.

Важным открытием является, вероятно, единичный акт, следы которого обнаружены на гребне под Аркой зала Рисунков. Зафиксированные рядом капли краски, расположенные очень далеко от ближайших изображений, безусловно и со всей очевидностью показывают, что краска использовалась не только для создания настенных изображений, но и для иных, пока плохо фиксируемых или не осознаваемых, сторон деятельности человека в Каповой пещере. К тому же, пока невозможно относить априори все капли около изображений к художественной деятельности, связанной с исполнением рисунков на стенах – необходимы

отдельные исследования для выявления характера и взаимосвязей следов художественного поведения.

Очевидно, что следы и мотивы деятельности в Каповой пещере и во Франко-Кантабрийских пещерах являются идентичными и в основе, и в большом количестве деталей. Следовательно, в Каповой пещере организованная деятельность осуществлялась носителями идей этих практик, представляющих собой базовые идеи франко-кантабрийских святилищ.

Аналогичная франко-кантабрийской картина зонирования расположения изображений знаков и фигур животных в сочетании с поэтажной дифференциацией следов площадок посещения наблюдается в Каповой пещере. Здесь возможно проводить разделение участков, на которых проводилась хозяйственно-бытовая (пусть и кратковременная) деятельность, и мест с превалирующим зооморфным изобразительным контекстом.

В Каповой пещере наблюдается достаточно четкая дифференциация художественных ансамблей двух этажей. Это в первую очередь – отсутствие сонма знаков на втором этаже, но содержательно единый комплекс зооморфных изображений, в очень урезанном виде представленный на среднем этаже. Выявленная зональность в размещении изображений выглядит следующим образом. Фигуры животных преобладают над геометрическими знаками (даже с учетом возможного исчезновения ряда знаков по естественным или антропогенным причинам) в компактно расположенной изобразительной зоне святилища на втором этаже. На первом этаже число геометрических знаков явно превосходит количество образов животных, однако степень этого превалирования оценить сложно из-за неудовлетворительной сохранности большинства изображений, а также незавершенной расчистки кальцитовых натеков, под которыми остается часть рисунков.

Одним из неразрешенных в археологии поздней поры верхнего палеолита Урала на сегодняшний день является сочетание влияния культурных традиций Европы (включая некоторые особенности каменного инвентаря, пещерное искусство, раскрашенные плитки) и Сибири (особенности каменной индустрии, направление происхождения каменного сырья для многих южно-уральских памятников,

направление движения за крупными животными) с совершенно очевидной реальностью собственно уральской культуры.

На основании имеющихся данных по датированию и археологическому комплексу следов деятельности человека основным выводом представленной работы является принесение группой верхнепалеолитических охотников-собирателей традиции создания подобных пещерных святилищ и укоренения связанных с ними социальных практик на территории как минимум Южного Урала. Появление святилища в Каповой пещере относится ко времени, предшествующему максимуму оледенения, т. е. к тому этапу, когда движение коллективов характеризуется направлением из Европы в сторону Урала, что отчетливо демонстрируют результаты комплексного изучения памятников северо-востока Европы и переисследование материалов Мальты. Результаты археологических исследований в Каповой пещере соответствуют и дополняют теорию П. Ю. Павлова о путях развития верхнего палеолита на Урале.

С точки зрения результатов социокультурных исследований для изменений культурных норм, тесно связанных с общественными институтами, требуется достаточно продолжительное время. Другими словами, не может быть в человеческом обществе стремительного и полного изменения социально-регулятивных практик (включая культовые и ритуальные) через любое по силе влияние, происходящее от людей другой культуры, с разными, даже на бытовом и поведенческом уровне, устоями жизни, а также соотношениями законов и обычаев с повседневной деятельностью. С точки зрения законов развития общества, невозможно осуществить отдельное перемещение системного комплекса идей и связанных с ними практик на расстояние 4 тысяч километров и внедрить их в новый социум.

Кроме художественного стиля основу европейского монументального палеолитического искусства составляет визуализированный набор ценностей - образов ограниченного числа животных и геометрических знаков (которые, как и в ситуации с образами животных, имеют разный количественный масштаб в изобразительных ансамблях - от территориальных/широко распространенных до «родовых» - узко и редко встречающихся). А поведенческие установки связаны с

общими практиками, фиксируемыми в следах деятельности человека в пещерах с настенными изображениями. Наличие точек сопряженности с искусством малых форм дает весомые основания для упрочения идей о тесной взаимосвязи между поведенческими установками и ценностями крупных сообществ верхнепалеолитических охотников-собирателей Европы, вне зависимости от ландшафтно-географической среды обитания.

Интеграция носителей традиции создания пещерных святилищ с настенными изображениями в среду людей, населявших южно-уральский регион (и взаимопроникновение традиций), как и длительное существование этой традиции впоследствии, ставит вопросы не только о нашем понимании миграционных процессов и их организационно-технологическом осуществлении, но и о взаимодействии носителей разных культур, и о трансформации и передаче как базовых, так и вполне определенных конкретно-исторических социокультурных норм во времени.

Таким образом, есть все основания говорить об инклюзивном общеевропейском характере явления «пещерного искусства верхнего палеолита», а не о эксклюзивных изолированных макро- и микрорегионах - Франко-Кантабрия, Швабско-Франконская Юра (Германия), Апеннинский полуостров (Италия), Карпаты (Румыния) и Южный Урал.

Разбитые окрашенные плитки и плитки с фрагментами рисунков, как и камень с фрагментом изображением мамонта, вероятно, могут представлять собой явления одного порядка – новой ритуализированной формы деятельности человека в Каповой пещере. Это направление впервые выделено для южно-уральского памятника, но имеет сходство как с материалами стоянки Талицкого, так и широкий круг аналогий на памятниках Франко-Кантабрии, Швабско-Франконской Юры, Апеннинского полуострова и др.

По всей видимости, практика разрушения того, что мы называем предметами искусства, включая плитки и камни с изображениями (но не настенных рисунков), связано как с местами организации площадок посещения (в пещерных святилищах), так и проживания (и в пещерах, связанных с близкими подземными полостями с монументальными изображениями, и на памятниках открытого типа,

например, сезонных очень крупных стоянках граветтийского времени). И этот факт обращает наше внимание к вопросу о поведенческих стереотипах и необходимости применения как планиграфического анализа, так и других методических разработок и к анализу всей совокупности материалов пещерных памятников с настенными изображениями как к единой структуре, сравнимой с поселениями под открытым небом.

Таким образом, на основе имеющегося фактического материала и теоретической базы есть все основания утверждать, что:

- практика организации пещерных святилищ и разносторонней деятельности в них была распространена в Европе от Атлантики до Урала на идентичных или очень похожих началах;
- фиксируемые практики символической деятельности на пещерных памятниках по отношению к настенным изображениям и на памятниках под открытым небом по отношению к произведениям мобильного искусства тождественны (разбивание/нанесение повреждений, приготовления и использования красочных пигментов (и других материалов и техник - например, керамики, ламп и т.п.), что может означать куда более глубокую взаимосвязь социально-культурных основ верхнепалеолитических обществ, проживавших в разных ландшафтно-географических областях Европы;
- структура организации и деятельности в пещерных святилищах аналогичны структурам организации и использования пространства на поселенческих памятниках (и пещерных, и открытого типа, включая такие дефиниции, как долговременные и кратковременные);
- объяснение глубинного сходства между верхнепалеолитическими пещерными памятниками с настенными изображениями в Европе и на Южном Урале с точки зрения наиболее отвечающим критериям общественных законов развития и имеющимся конкретно-историческим и археологическим данным являются миграции населения как носителя традиции.

Список публикаций по теме диссертационного исследования:

Статьи, опубликованные в ведущих научных рецензируемых изданиях

1. *Житенев, В.С.* Новые исследования свидетельств художественной деятельности в Каповой пещере / В.С. Житенев // Краткие сообщения Института археологии РАН. – 2012. – вып. 227. – С. 304-313.
2. *Житенев, В.С.* Использование кальцита на европейских палеолитических пещерных памятниках с настенными изображениями / В.С. Житенев // Вестник Пермского университета. Серия История. – 2014. – № 1 (24). – С. 109-117.
3. *Житенев, В.С.* Археологический контекст открытия палеоантропологических материалов в пачке голоценовых напластований Каповой пещеры / В.С. Житенев // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. – 2014. – № 2. – С. 114-121.
4. *Житенев, В.С.* Остатки верхнепалеолитических предметов органической природы из Каповой пещеры / В.С. Житенев // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2014. – т. 156. – № 3. – С. 19-24.
5. *Житенев, В.С.* Предварительные результаты комплексного исследования красочных пигментов настенных изображений Каповой пещеры / А.С. Пахунов, В.С. Житенев, Н.Н. Брандт, А.Ю. Чикишев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 4. – С. 4-15.
6. *Житенев, В.С.* Мониторинг состояния археологического ансамбля Игнatieвской пещеры в 2009–2012 гг. / В.С. Житенев, Т.Е. Солдатова, О.Я. Червяцова // Археологические вести. – 2014. – № 20. – С. 364-367.
7. *Житенев, В.С.* Первая находка фрагментов орнаментированных костей верхнепалеолитического возраста из Каповой пещеры / В.С. Житенев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2014. – т. 13. – № 7. – С. 45-51.
8. *Житенев, В.С.* Результаты естественнонаучных исследований скопления красочной массы: новые данные о рецептуре изготовления красок в Каповой пещере / А.С. Пахунов, В.С. Житенев // *Stratum plus*. – 2015. – № 1. – С. 125-135.

9. *Zhitenev, V.* Population genomics of Bronze Age Eurasia / M.E. Allentoft, M. Sikora, K.G. Sjögren, S. Rasmussen, M. Rasmussen, J. Stenderup, P.B. Damgaard, H. Schroeder, T. Ahlström, L. Vinner, A. Margaryan, T. Higham, ... V. Zhitenev, L. Orlando, T. Sicheritz Pontén, S. Brunak, R. Nielsen, K. Kristiansen, E. Willerslev // *Nature*. – 2015. – t. 522. – № 7555. – P. 167-172.

10. *Житенев, В.С.* Радиоуглеродные даты верхнепалеолитических слоев Каповой пещеры (Южный Урал) / В.С. Житенев, А.С. Пахунов, А. Маргарян, Т.Е. Солдатова // *Российская археология*. – 2015. – № 4. – С. 5-15.

11. *Житенев, В.С.* Теоретические основы изучения разнообразия форм хозяйственно-бытовых и символических практик в пещерах с верхнепалеолитическими изображениями / В.С. Житенев // *Вестник Московского университета. Серия 8. История*. – 2015. – № 5/6. – С. 97-108.

12. *Житенев, В.С.* Костяная индустрия Каповой пещеры и пещерных памятников верхнего палеолита с настенными изображениями Франко-Кантабрии / В.С. Житенев // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. – 2016. – № 2. – С. 5-15.

13. *Житенев, В.С.* Анализ пигментов «кладов охры» из Каповой пещеры / А.С. Пахунов, В.С. Житенев, Е.Г. Дэвлет, К. Лофрументо, М. Бекуччи, М. Риччи, В.А. Парфенов // *Краткие сообщения Института археологии РАН*. – 2016. – вып. 245. – С. 240-253.

14. *Житенев, В.С.* Проблема возраста настенных изображений Игнатиевской пещеры и археологический контекст красочных пигментов верхнепалеолитических памятников горно-лесной зоны Южного Урала / В.С. Житенев // *Исторический журнал: научные исследования*. – 2016. – № 6. – С. 792-799.

15. *Житенев, В.С.* Имитации в украшениях верхнего палеолита Русской равнины / В.С. Житенев // *Краткие сообщения Института археологии РАН*. – 2017. – вып. 246. – С. 117-129.

Монографии

16. *Zhitenev, V.S.* Chapter 32. Needle-fiber calcite in Kapova Cave (the Southern Urals, Russia): Influence on Upper Paleolithic wall paintings and genesis problems / O.Ya. Chervyatsova, L.V. Leonova, S.S. Potapov, Yu.S. Lyahnitsky, L.Yu. Kuzmina, V.S.

Zhitenev // The Conservation of Subterranean Cultural Heritage / Ed. by C. Saiz-Jimenez. – London: Taylor & Francis Group, CRC Press/Balkema, 2014. – P. 265–274.

17. *Житенев, В.С.* Пещера «Шульган-Таш»: путеводитель / О.Я. Червяцова, Ю.С. Ляхницкий, В.С. Житенев, И.А. Гайнутдинов, С.С. Потапов. – Уфа: Информреклама, 2013. – 76 с.

18. *Zhitenev, V.S. Shulgan-Tash (Karova) cave: Guidebook* // О.Ya. Chervyatsova, Yu.S Lyakhnitsky., V.S. Zhitenev, I.A. Gainutdinov, S.S. Potapov. – Ufa: Informreklama, 2016. – 76 p.

Статьи по теме диссертации в российских и зарубежных изданиях

19. *Житенев, В.С.* Археозоологические критерии «ритуальных медвежьих комплексов» верхнего палеолита / В.С. Житенев // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики (Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 14-17 ноября 2000 г.). – СПб: Изд-во СПбГУ, 2000. – С. 33-37.

20. *Житенев, В.С.* Раскопки позднепалеолитической стоянки в пещере Сикияз-Тамак I / В.С. Житенев // Археологические открытия 2001 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин, В.В. Седов. – М.: Наука, 2002. – С. 339-340.

21. *Житенев, В.С.* Исследование пещерных стоянок в бассейнах рек Ай и Юрюзань в 2003 г. / В.С. Житенев // Археологические открытия 2003 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. – М.: Наука, 2004. – С. 314-315.

22. *Житенев, В.С.* Подвески из зубов животных ранней и средней эпох верхнего палеолита Русской Равнины / В.С. Житенев // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер) / Отв. ред. Н.Б. Леонова. – М.: Дом еврейской книги, 2007. – С. 40-61.

23. *Житенев, В.С.* Верхний палеолит бассейна реки Ай (Южный Урал): перспективы исследований / В.С. Житенев // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19-22 ноября 2007 г.). – Екатеринбург – Сургут: Магеллан, 2007. – С. 92-93.

24. *Житенев, В.С.* Пещера Ключевая (р. Юрюзань, Южный Урал): новые материалы позднепалеолитического времени / В.С. Житенев // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19-22 ноября 2007 г.). – Екатеринбург – Сургут: Магеллан, 2007. – С. 93-95.

25. *Житенев, В.С.* Верхний палеолит Южного Урала: к 70-летию исследований С.Н. Бибилова / В.С. Житенев // С.Н. Бибилов и первобытная археология / Отв. ред. С. А. Васильев, Л. В. Кулаковская. – СПб: ИИМК РАН, 2009. – С. 219-223.
26. *Житенев, В.С.* Предварительные результаты мониторинга и проблемы сохранности археологического комплекса Каповой пещеры / В.С. Житенев // Природное и культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию открытия А.В. Рюминым палеолитической живописи в пещере Шульган-Таш (Каповой) (26-28 октября 2009 г.). – Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2010. – С. 142-150.
27. *Житенев, В.С.* Антропологические материалы из южно-уральских пещерных памятников с настенными изображениями: к постановке проблемы / В.С. Житенев // Отв. ред. К.Н. Гаврилов. – Палеолит и мезолит Восточной Европы. Сборник статей в честь 60-летия Хизри Амирхановича Амирханова. – М.: Институт археологии РАН, 2011. – С. 462-472.
28. *Житенев, В.С.* Капова пещера – многослойный памятник археологии: предварительное сообщение / В.С. Житенев // Отв. ред. С.В. Ошибкина. – Первобытные древности Евразии. К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. – М.: Институт археологии РАН, 2012. – С. 155-178.
29. *Житенев, В.С.* Настенные изображения животных и охотничья добыча на памятниках верхнего палеолита Южного Урала / В.С. Житенев // Проблемы археологии эпохи камня. К 70-летию Валентины Ивановны Беляевой. Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2014. – т. 18. – С. 310-319.
30. *Житенев, В.С.* Верхнепалеолитическое орудие из ребра шерстистого носорога (пещера Сикияз-Тамак I, р. Ай, Южный Урал) / В.С. Житенев, В.И. Юрин // АрхЛаб. Известия археологической лаборатории Башкирского государственного университета: сборник статей / Отв. ред. А.Н. Султанова. – Вып. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – С. 4-10.
31. *Житенев, В.С.* Фигура зоантропоморфа из Каповой пещеры и гибридные настенные изображения Франко-Кантабрии / В.С. Житенев // IV Северный

археологический конгресс: материалы. – Екатеринбург: Альфа Принт, 2015. – С. 237-240

32. *Житенев, В.С.* Новые находки верхнепалеолитических украшений из раковин в Каповой пещере: предварительные результаты / В.С. Житенев // Следы в истории. К 75-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского / Отв. ред. О.В. Лозовская, В.М. Лозовский, Е.Ю. Гиря. – СПб.: ИИМК РАН, 2015. – С. 109-113.

33. *Житенев, В.С.* Древнейшие произведения изобразительной деятельности / А.С. Пахунов, В.С. Житенев, Е.Г. Дэвлет // Институт археологии: новые экспедиции и проекты / Отв. ред. Н.А. Макаров. – М.: ИА РАН, 2015. – С. 44–47.

34. *Житенев, В.С.* Важнейшие итоги работ экспедиций кафедры археологии исторического факультета МГУ в сезоне 2015 года / В.Л. Янин, Т.А. Пушкина, Н.Б. Леонова, Е.А. Попова, А.Р. Канторович, В.С. Житенев // Исторические исследования. – 2015. – №3. – С. 316-332

35. *Житенев, В.С.* Исследования Каповой и Игнатьевской пещер в 2010–2013 гг. / В.С. Житенев // Археологические открытия 2010-2013 годов / Отв. ред. Н.В. Лопатин. – М.: Институт археологии РАН, 2015. – С. 483-485.

36. *Житенев, В.С.* Фигура зоантропоморфа из Каповой пещеры и гибридные настенные изображения Франко-Кантабрии / В.С. Житенев // IV Северный археологический конгресс: материалы. – Екатеринбург: Альфа Принт, 2015. – С. 237-240.

37. *Житенев, В.С.* Многообразие форм символических и хозяйственно-бытовых практик в пространстве Каповой пещеры / В.С. Житенев // Древние святилища: археология, ритуал, мифология. Материалы Международного научного симпозиума. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. – С. 79-93.

38. *Zhitenev, V.S.* The variety of symbolic and everyday practices forms in the Kapova cave space / V.S. Zhitenev // Ancient sanctuaries: Archaeology, ritual, mythology. Materials of International scientific Symposium. – Ufa: Institute for History Publishing house, 2016. – P. 79-93.

39. *Житенев, В.С.* К проблеме минералообразования и коррозии на субстратах палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш / О.Я. Червяцова, Л.В. Леонова, С.С. Потапов, Ю.С. Ляхницкий, Л.Ю. Кузьмина, Житенев В.С. // Древние

святилища: археология, ритуал, мифология. Материалы Международного научного симпозиума. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. – С. 143-157.

40. *Zhitenev, V.S.* The problem of mineral formation and corrosion on the substrates of palaeolithic art of the Shulgan-Tash cave / Chervyatsova O.Ya., Leonova L.V., Potapov S.S., Lyahnitsky Yu.S., Kuzmina L.Yu., Zhitenev V.S // Ancient sanctuaries: Archaeology, ritual, mythology. Materials of International scientific Symposium. – Ufa: Institute for History Publishing house, 2016. – P. 143-157.

41. *Житенев, В.С.* Возраст рисунка «Чёрная лиса» из зала Рисунков пещеры Шульган-Таш (Капова) / Ю.В. Дублянский, Ю.С. Ляхницкий, В.С. Житенев, К. Шпётль // Проблемы сохранения, консервации палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш и развитие туристической инфраструктуры достопримечательного места «Земля Урал-Батыра». Материалы Международного научного симпозиума. – Уфа: НПЦ МК РБ, 2016. – С. 46-48, 51-52.

42. *Zhitenev, V.S.* Age of the “Black fox” drawing from the chamber of Drawings in Shulgan-Tash (Капова) cave / Yu.V. Dublyansky, Yu.S. Liakhnitsky, V.S. Zhitenev, C. Spötl // The Problems of Conservation, Preservation of Palaeolithic Paintings from the Cave Shulgan-Tash and the Development of Tourism Infrastructure at the Sight «The Land of Ural-Batyr». Materials of International Scientific Symposium. – Ufa: SPC MC RB, 2016. – P. 48-52.

43. *Житенев, В.С.* Уран-ториевое датирование палеолитических рисунков пещеры Шульган-Таш (Капова) / Ю.В. Дублянский, Дж. Мосли, К. Шпётль, Ю.С. Ляхницкий, В.С. Житенев, Р.Л. Эдвардс // Проблемы сохранения, консервации палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш и развитие туристической инфраструктуры достопримечательного места «Земля Урал-Батыра». Материалы Международного научного симпозиума. – Уфа: НПЦ МК РБ, 2016. – С. 52-54, 57-58.

44. *Zhitenev, V.S.* Uran-thorium dating of the palaeolithic cave art in Shulgan-Tash (Капова) cave / Yu.V. Dublyansky, G.E. Moseley, C. Spötl, Yu.S. Liakhnitsky, V.S. Zhitenev, R.L. Edwards // The Problems of Conservation, Preservation of Palaeolithic Paintings from the Cave Shulgan-Tash and the Development of Tourism Infrastructure at

the Sight «The Land of Ural-Batyr». Materials of International Scientific Symposium. – Ufa: SPC MC RB, 2016. – P. 55-58.

45. *Житенев, В.С.* Пещерное искусство, археологический контекст и современное вытаптывание в Каповой пещере (Южный Урал) / В.С. Житенев // Проблемы сохранения, консервации палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш и развитие туристической инфраструктуры достопримечательного места «Земля Урал-Батыра». Материалы Международного научного симпозиума. – Уфа: НПЦ МК РБ, 2016. – С. 58-62, 67-68.

46. *Zhitenev, V.S.* Parietal art, archaeological context and contemporary trampling in the Kapova cave (the Southern Urals) / V.S. Zhitenev // The Problems of Conservation, Preservation of Palaeolithic Paintings from the Cave Shulgan-Tash and the Development of Tourism Infrastructure at the Sight «The Land of Ural-Batyr». Materials of International Scientific Symposium. – Ufa: SPC MC RB, 2016. – P. 62-68.

47. *Житенев, В.С.* Изучение состава «кладов охры» из Каповой пещеры (Шульган-Таш) / А.С. Пахунов, В.С. Житенев, А.А. Калоян, К.М. Подурец, П.В. Дороватовский, Э.А. Грешников, Е.Г. Дэвлет / Проблемы сохранения, консервации палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш и развитие туристической инфраструктуры достопримечательного места «Земля Урал-Батыра». Материалы Международного научного симпозиума. – Уфа: НПЦ МК РБ, 2016. – С. 103-104, 106.

48. *Zhitenev, V.S.* A study of the composition of the “ocher hoard” from the Kapova cave (Shulgan-Tash) / A.S. Pakhunov, V.S. Zhitenev, A.A. Kaloyan, K.M. Podurets, P.V. Dorovatovsky, E.A. Greshnikov, E.G. Devlet // The Problems of Conservation, Preservation of Palaeolithic Paintings from the Cave Shulgan-Tash and the Development of Tourism Infrastructure at the Sight «The Land of Ural-Batyr». Materials of International Scientific Symposium. – Ufa: SPC MC RB, 2016. – P. 104-106.

Тезисы докладов на конференциях и заметки

49. *Житенев, В.С.* Пещерное монументальное искусство и «ритуальные медвежьи комплексы» верхнего палеолита / В.С. Житенев // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Тезисы докладов юбилейной конференции, посвященной 60-летию кафедры археологии исторического факультета Московского

государственного университета им. М.В. Ломоносова. Москва, 20-24 декабря 1999 года / Отв. ред. А.Р. Канторович, Е.А. Попова, Т.А. Пушкина, Н.В. Рындина, А.С. Хорошев, Ю.Л. Щапова. М.: Исторический факультет МГУ, 1999. – С. 47-50.

50. *Zhitenev V.S.* Remains of Carnivorous Fur Bearers from the Upper Paleolithic Sites of Eastern Europe (Zooarchaeological and Social Aspects) / V.S. Zhitenev // Abstract book of the Xth Annual Meeting European Association of Archaeologists (Lyon, France. 8-11 september 2004). – Lyon, 2004. – P. 204.

51. *Житенев В.С.* Череп пещерного медведя (*Ursus spelaeus*) с нарезками и следами охры из пещеры Сикияз-Тамак I (Южный Урал) / В.С. Житенев // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда. / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. – Т. 1 – Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2006. – С. 201-203.

52. *Житенев, В.С.* Новые исследования в Каповой и Игнатьевской пещерах на Южном Урале / В.С. Житенев // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород — Старая Русса / Отв. ред. Н.А. Макаров, Н.Н. Носов. – Т. I.– СПб, М., Великий Новгород, 2011. – С. 144-145.

53. *Житенев, В.С.* Пещерные памятники Южного Урала в контексте верхнепалеолитического искусства Европы / В.С. Житенев // Археологические источники и культурогенез. Таксоны высокого порядка в системе понятий археологии каменного века. Тезисы конференции. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2011. – С. 50-53.

54. *Zhitenev, V.S.* Upper Paleolithic human activity in Kapova cave (the Southern Ural, Russia) / V.S. Zhitenev // Hugo Obermaier Society for Quaternary Research and Archaeology of the Stone Age. 54th Annual Meeting in Toulouse. – Verlag Dr. Faustus Erlangen, 2012. – p. 54-55.

55. *Житенёв, В.С.* Капова пещера в контексте верхнего палеолита Южного Урала / В.С. Житенев // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание». – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. – С. 19-21.

55. *Zhitenev, V.S.* The new research results of Upper Paleolithic human activity in Kapova and Ignatievskaya caves with wall paintings (the Southern Urals, Russia) / V. Zhitenev // Hugo Obermaier Society for Quaternary Research and Archaeology of the Stone Age. 55th Annual Meeting. – Verlag Dr. Faustus Erlangen, 2013. – p. 55-56.
56. *Житенев, В.С.* Красочные пигменты Каповой пещеры: археологические и естественно-научные исследования / В.С. Житенев // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. – Т. 1. – Казань: Отечество, 2014. – С. 70-72.
57. *Zhitenev, V.* Research on the nature employment of the Kapova cave with Upper Paleolithic wall paintings / V. Zhitenev // Hugo Obermaier Society for Quaternary Research and Archaeology of the Stone Age. 56th Annual Meeting. – Verlag Dr. Faustus Erlangen, 2014. – p. 58.
58. *Zhitenev, V.S.* The conservation of Kapova cave, Russia: past and present / V.S. Zhitenev // The Conservation of the Subterranean Cultural Heritage. – S.L Seville: Coria Grafica, 2014. – p. 87-88.
59. *Житенев, В.С.* Железосодержащая руда, как сырьё для красок в пещерной живописи эпохи палеолита // А.С. Пахунов, Н.Н. Брандт, А.Ю. Чикишев, В.С. Житенев // Сибирский семинар по спектроскопии комбинационного рассеяния света. – Новосибирск: Институт автоматики и электрометрии, 2015. – т. 5. – С. 6-7.
60. *Zhitenev, V.* Discovery of the possible source of ore used in palaeolithic paint production in Kapova Cave, Russia / A. Pakhunov, V. Zhitenev, N. Brandt, A. Chikishev, E. Greshnikov, E. Golovkova // Book of abstracts. TECHNART2015. Non-destructive and microanalytical techniques in art and cultural heritage. Catania, April 27-30, 2015. – IFN Catania, Italy. – p. P2-93.
61. *Zhitenev, V.S.* Fossil shell personal ornaments from the Kapova cave (the Southern Urals, Russia): Upper Paleolithic mobility and migration in the Volga-Ural region / V.S. Zhitenev // Hugo Obermaier Society for Quaternary Research and Archaeology of the Stone Age. 58th Annual Meeting. – Verlag Dr. Faustus Erlangen, 2016. – p. 75-76.

62. *Zhitenev, V.* Upper Palaeolithic pigments from Kapova cave (the Southern Urals, Russia) / *V. Zhitenev* // Book of abstracts. 41st International Symposium on Archaeometry (ISA2016), Kalamata, 15-20/5/2016. – Kalamata, Greece, 2016. – P. 65.

Учебные пособия

63. *Житенев, В.С.* Полевая археология / Авдусин Д.А., Сорокин А.Н., Леонова Н.Б., Пушкина Т.А., Житенев В.С., Канторович А.Р. // Археология на историческом факультете. Программы учебных курсов / Отв. ред. В.Л. Янин, А. Р. Канторович. – М.: Исторический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, 2011. – С. 167-180.

64. *Житенев, В.С.* Искусство палеолита Европы и Сибири / В.С. Житенев // Археология на историческом факультете. Программы учебных курсов / Отв. ред. В.Л. Янин, А. Р. Канторович. – М.: Исторический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, 2011. – С. 184-192.

65. *Житенев, В.С.* Основы зооархеологии / В.С. Житенев // Археология на историческом факультете. Программы учебных курсов / Отв. ред. В.Л. Янин, А. Р. Канторович. – М.: Исторический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, 2011. – С. 233-238.